

«ОТ СВЯЩЕНСТВА Я НЕ ОТРЕКУСЬ...»

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК
НИКОЛАЙ,
ПРОТОИЕРЕЙ**

**ЛАГЕРНЫЕ ПИСЬМА
ПРАВОСЛАВНОЙ СЕМЬИ
ПИСКАНОВСКИХ**

**Составитель
*В. О. Волков***

**Москва
БРАТОНЭЖ
2013**

УДК 27-36
ББК 86.374
О-80

Редактор
И. И. Осипова

О-80 «От священства я не отрекусь...» Священномученик Николай, протоиерей. Лагерные письма православной семьи Пискановских / Сост. В. О. Волков. — М.: Братонеж, 2013. — 376 с. + [16] ил. — (Серия «Новомученики и исповедники Российские пред лицом богооборческой власти»).

ISBN 978-5-7873-0731-3

В книге представлен трагический путь протоиерея Николая Пискановского и его семьи после революции. В своей основе книга построена на подлинных письмах узников в лагерях и полученных родственниками «на воле», а также на письмах, отправленных родными в места заключения. Приводятся письма, относящиеся в основном к периоду 1928–1948 годов. Они сопровождаются комментариями составителя, биографическими сведениями и другими необходимыми пояснениями. В книге нет описаний жестоких преследований и смертных страданий невинных людей. Однако письма, подлинные свидетельства того времени, не могут оставить читателя равнодушным. Они позволяют непредвзято судить о жизненных обстоятельствах христиан, сохранивших в те трудные времена истинную веру и продолжавших, несмотря на все тяготы, руководствоваться в своем поведении христианским мировоззрением. И читатель оценит нравственную силу и величие духа преследуемых, меру их истинной жертвенности. География повествования весьма обширна: Брест, Елисаветград, Александрия, Полтава, Харьков, Воронеж, Соловки, Пинега, Архангельск, Коми АССР, Пермь (Молотов), Москва, Малоярославец, Орск, Углич, Рыбинск, Тутаев.

УДК 27-36
ББК 86.374

© В. О. Волков, 2013

Содержание

Предисловие	9
<i>Глава I. Пискановские до революции. Письма 1909–1917 годов</i>	18
<i>Глава II. Судьба и деяния иерея Николая Пискановского после революции.....</i>	25
Церковная деятельность в 1918–1928 годах	25
Соловецкий лагерь. Кехта. 1928–1932 годы	45
Церковная деятельность в Архангельске. 1932–1934.	
Праведная кончина. 1935	64
<i>Глава III. Судьба Клавдии Пискановской и ее детей</i>	80
Архангельск. 1935–1939 годы	80
Пинега. Письма 1939–1941 годов.....	90
Томск. Молотов (Пермь). Письма 1942–1945 годов....	116
Москва — Орск. Письма 1945–1949 годов	180
<i>Эпилог. 1950–1999 годы</i>	250
<i>Приложение I. Воспоминания М. О. Игнатченко.</i>	
«О маме»	267
<i>Приложение II. Письма Д. С. Лихачева О. В. Волкову, его жене и дочери</i>	308

<i>Приложение III.</i> Краткие биографические сведения о репрессированных членах семьи Пискановских и семьи Волковых.....	326
<i>Приложение IV.</i> Краткие биографические сведения о некоторых священнослужителях, упоминаемых в книге.....	338
Библиография	356
Список сокращений	359
Именной указатель	362

*Посвящаю эту книгу
светлой памяти моей матери,
Софьи Всеволодовны Волковой*

Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь; ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.

Мф. 5, 11–12.

Предисловие

И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме.

Мф. 5, 15.

Кипа старых писем на столе. Впрочем, с точки зрения профессиональных историков они не столь и старые. Первые из них написаны немногим более одного века назад, незадолго до начала Первой мировой войны. Это короткие праздничные поздравления спокойных, счастливых и уверенных в завтрашнем дне людей, живущих в устойчивом благополучном мире, устроенном по воле Господа. Так, с красочных «от-

крытых писем», которые позднее стали называться просто «открытками», начинается почтовая переписка семьи Пискановских, типичной семьи потомственных православных священников из западных губерний Российской империи.

Но этот слой переписки быстро заканчивается и сменяется толщей серых листов бумаги с выцветшими чернилами. Священнослужители в Советской России разделились после революции на две основные категории — или заключенные, или еще не арестованные. И на столе подлинные письма — адресованные из тюрем и лагерей на «свободу» или, наоборот, отправленные родственниками и друзьями в узилища.

Выделяются сложенные в треугольники письма военных лет, иногда с сохранившейся синей 30-копеечной маркой с изображением летчика, но неизменно со штампом «Просмотрено военной цензурой», а ниже личный номер цензора и подтверждающий его могущество государственный герб с серпом и молотом. Цензура свирепствует, невозбранно из лагеря можно писать только о погоде. Но за недосказанностью и умолчаниями встает твердая воля этих подвижников, высокий дух и неколебимая вера в Промысел. Из все более далеких глубин времени доносится их голос, но ведь как слышен!

Хотелось бы предложить читателю прочесть подлинные письма членов семьи Пискановских. Хотя эти письма сами по себе являются своего рода историческими свидетельствами, текст их сопровождается комментарием составителя, биографическими сведениями и пояснениями семейных обстоятельств. Это должно позволить современному читателю самому разобраться в событиях, о которых идет речь в письмах,

полнее ощутить трагизм и одновременно величие жизненного подвига членов скромного священнического семейства Пискановских.

Еще несколько замечаний, предваряющих основное повествование и поясняющих, каким образом эти письма и семейные фотографии Пискановских оказались у составителя. В сентябре 1932 года моему отцу, Олегу Васильевичу Волкову¹, Президиум ВЦИК заменил оставшийся четырехлетний срок заключения в Соловецком лагере на ссылку в Архангельске. Из Минусинского лагерного отделения Сиблага в июне 1934 года была освобождена моя мама, Софья Всеволодовна Волкова², осужденная «за шпионаж в пользу Греции»³, — она, минуя Москву, также проследовала к мужу в архангельскую ссылку. В марте 1935 года у них появился новорожденный, нареченный Всеволодом, — он в своих пеленках и не подозревал, что окажется через семь с лишним десятков лет составителем настоящих «Писем». В июне 1936 года новый арест отца, это уже третий и, увы, совсем не последний в его жизни. Мама работала хирургической медсестрой в глазном отделении Архангельской городской больницы, на помощь ссыльной дочери приехала из Москвы бабушка Елена Дмитриевна Мамонтова.

¹ Краткие сведения о нем приведены в Приложении III.

² Краткие сведения о ней приведены в Приложении III.

³ Власти посчитали за шпионаж «информацию греческим представителям о положении русской интеллигенции, и о положении церквей, и о гонении на Церковь» — такое признание сделала С. В. Волкова на допросе. Поясним, что отец до ареста работал переводчиком в греческом посольстве и использовал эту возможность для пересылки сообщений жены за границу. Здесь и далее все цитаты курсивом, выделенные кавычками, приводятся из следственных дел.

Однажды, в августе 1936 года, к концу маминого дежурства в глазное отделение заглянула миловидная русоволосая девушка, новая табельщица. Мама передала ей листок с простоявшим временем, отработанным сотрудниками отделения, и, будучи общительным и доброжелательным человеком, начала с ней дружественную беседу. И вскоре, несколько приглушив голос, вполголоса посоветовала не демонстрировать нарочито перстенек с надписью «Спаси и сохрани» — донос «куда надо» о таком украшении мог воспоследовать в любую минуту.

Разговорились — мама всегда умела располагать к себе людей. И выяснилось, что Ксения Николаевна — так звали девушку — дочь священника Николая Пискановского, в апреле предыдущего года умершего во время следствия в Архангельской тюрьме. В этом же уважаемом заведении как раз в это время «сидел» под следствием Олег Васильевич Волков. Официально Ксению приняли на работу в больницу санитаркой, но фактически скромной и исполнительной девушке доверили выполнять обязанности табельщицы.

Вскоре состоялось знакомство семьями — у Ксении в Архангельске собралась вся ее семья: бабушка Мария Ивановна⁴, брат Коля, ученик девятого класса, и недавно вернувшаяся из лагеря и нигде не работавшая матушка Клавдия Петровна⁵. Мама, немедленно разобравшись в крайней скучности существования семьи Пискановских, принялась за устройство, мобилизовала своих добрых знакомых и доброжелателей. Общие усилия дали результат, и вскоре Клавдия Петровна вопреки своей крайне неблагоприятной анкете

⁴ Мария Ивановна Кадлубовская, 1853 года рождения, затем Пискановская.

⁵ Краткие сведения о ней приведены в Приложении III.

получила место сестры-хозяйки в глазном отделении городской больницы.

К концу 1936 года следствие по делу отца закончилось, самый «справедливый» в мире советский суд определил ему 5 лет лагерей, и он был этапирован в Котлас. Мама не имела права выезжать из Архангельска (статус ссыльной), «перехватить» Олега Васильевича на Котласской пересылке и передать ему теплые вещи отправилась Ксения. Впрочем, в Котласе Ксении его застать не удалось, в общей неразберихе он уже отправлен к месту назначения, в Ухто-Ижемский лагерь в Коми АССР. Меховой полушибок, шерстяные носки и иные дозволенные полезные вещи мама послала ему позднее на лагерный адрес почтовыми посылками.

В Архангельске в ту пору власть разрешила проводить официальные богослужения в единственном храме «на Быку», все остальные церкви были закрыты. Этот храм относился к «сергианская» церкви, «непоминающие» туда не ходили. Семья Пискановских окормлялась у молодого ссыльного иеромонаха из московского Данилова монастыря, отца Спиридона (Пиуновского)⁶. Он работал счетоводом областной физиотерапевтической лечебницы. Сохранив антиминс, очевидно, из церкви Воскресения Словущего, где служил после закрытия монастыря, священник устроил в своей комнатке в деревенском доме на Соломбale⁷ тайный храм, куда ранним утром приходили молиться близкие по духу верующие.

Вместе с Клавдией Петровной и Ксенией приходила и моя мама. Очевидно, здесь же и совершилось таинство крещения младенца Всеволода. Воспреемниками

⁶ Краткие сведения о нем приведены в Приложении IV.

⁷ Соломбала — сейчас один из районов Архангельска.

были родственники — бабушка Елена Дмитриевна Мамонтова и дядя Игорь Валерьевич Кречетов, находившийся в ссылке в Архангельске. А в семье считали крестными любимых маминих двоюродных — тетю Елизавету Александровну Самарину и дядю Кирилла Николаевича Голицына⁸.

Наступил трагичный для русской истории 1937 год. Попробуем уяснить для себя некоторые причины неслыханного ужесточения репрессий именно в этот период. 6 января 1937 года была проведена всесоюзная перепись населения, причем в «Опросный лист» по инициативе И. В. Сталина был включен вопрос о религии. И матерый провокатор получил ответ на свой вопрос — 42%(!) опрошенных отнесли себя к православным, хотя не все ведь решились открыто заявить о своей религиозной принадлежности, опасаясь репрессий. Такой ответ должен был посеять панику у власти предержащих, ведь это, пожалуй, больше, чем было во время революции. Как же так, вели такую ожесточенную борьбу, устраивали такие гонения на Церковь, а получили обратный результат?! А с учетом инославных религий, с учетом инакомыслящих вообще катастрофа!

И вождь народов решает нанести удар по Церкви — такой удар, после которого вообще не должно оставаться открытых приверженцев «религиозного дурмана». Беспрецедентная кампания готовилась основательно, о ее направленности и грядущих масштабах можно судить по протоколам февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б), открывшегося 26 февраля. Предстояло разделаться не только с Православием, нужно было также поквитаться и с другими религиями, а кроме того — с политической оппозицией любых мастей;

⁸ Краткие сведения о нем приведены в Приложении III.

с думающей и критически относящейся к власти интеллигенцией; а заодно и с чрезмерным представительством еврейской национальности в органах НКВД и некоторых важных наркоматах. И террор на этот раз должен быть не только устрашающим, он призван стать уничтожающим!

В Архангельске аресты ссыльных начались весной и усилились к лету. В конце июня НКВД приехал за иеромонахом Спиридоном (Пиуновским), его отправили в Иваново, куда в тюрьму областного управления НКВД к тому времени уже доставили его духовного отца, архиепископа Феодора (Поздеевского)⁹, по версии следствия, возглавлявшего «Иноческое братство князя Даниила». В Иваново устремилась Клавдия Петровна, чтобы организовать передачи в тюрьму и облегчить в тяжелую годину страдания своего духовного отца и его товарищей по несчастью. Владыка Феодор и иеромонах Спиридон после многомесячного следствия и изнурительных допросов будут расстреляны 23 октября 1937 года в тюремном подвале. Матушку Клавдию арестовали задолго до этого, схватили ее еще в августе в Иваново и этапировали в Архангельск, где готовился судебный процесс над участниками «контрреволюционной группировки духовенства и церковников».

На свои именины в среду 30 сентября 1937 года моя мама ждала Ксению и Колю в гости к нам в комнату на Петроградском проспекте (дом 107, кв. 7), но утром прибежал один запыхавшийся Коля — его сестра ночью была арестована. Ксения со своей матерью будут проходить по одному и тому же делу, после суда окажутся на Пинеге, в суровом таежном kraю. Их иногда разлучали, а иногда на время им удавалось со-

⁹ Краткие сведения о нем приведены в Приложении IV.

единиться на одном и том же лагерном пункте. Ксения большую часть своего пребывания в этом лагере была лишена права переписки. За примерное поведение зэку разрешалось отправить через лагерную цензуру одно-два письма в месяц, и Клавдия Петровна довольно регулярно использовала эту возможность, так что сохранилось порядка полутора десятков ее писем с Пинеги сыну.

О взаимосвязанных судьбах двух семей — Волковых и Пискановских — рассказывается далее в последующем повествовании, но важно отметить, что для этих схожих судеб характерно постоянное состояние разлуки с близкими в связи с арестами, тюрьмами, лагерями и ссылками. И понятно, что почтой в этих обстоятельствах активно пользовались в каждой из семей — вызывает радостное удивление лишь тот факт, что вопреки трудным жизненным обстоятельствам (обыски, аресты, хранение убогого имущества у родственников, а то и у совсем чужих людей) из этого эпистолярного наследия кое-что все же сохранилось. И отмечу попутно, что представители наших семей всегда оказывали друг другу взаимную духовную и при возможности материальную поддержку, пронесли дружбу через долгие тяготы, сохранив их во всех поколениях с 1936 года и по сию пору.

Именно в силу наших дружеских отношений внучка протоиерея Николая и матушки Клавдии Петровны, Наталья Петровна Пискановская, передала мне для возможной публикации основную часть своего семейного архива — лагерные письма и почтовые открытки своих дедушки и бабушки, матери, семейные фотографии, а также полученные ее родительницей в северных лагерях письма дядюшки Николая Николаевича Пискановского. Всего в книге приведено полностью или частично более 140 писем. Стремясь за-

полнить неизбежные пробелы в повествовании, я в дополнение к этим письмам включил в жизнеописание семьи записи Ксении Николаевны и другие источники, дал краткий исторический комментарий, добавил материалы из собственного семейного архива — все вместе это составило документированную основу для повествования о судьбе скромной и одновременно замечательной семьи Пискановских, их твердом стоянии в исповедании Веры, их духовном и жизненном подвиге.

* * *

Работа над книгой осуществлялась в рамках программы Научно-Информационного и Просветительского Центра «Мемориал» — «Репрессии против духовенства и мирян в период 1918–1953 годов». Сотрудникам НИПЦ «Мемориал» — искренняя признательность, прежде всего руководителю научных программ А. Б. Рогинскому.

Большую благодарность заслуживают сотрудники архивов: Государственного архива Российской Федерации, Управления ФСБ РФ по Республике Татарстан, Государственного архива новейшей истории Костромской области, Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области, Государственного архива социально-политической истории Кировской области, Центрального Государственного архива общественных организаций Украины.

Особая признательность Френсису ГРИНУ, без дружеского участия и постоянной поддержки которого была бы невозможна многолетняя работа в архивах и подготовка к изданию данной книги.

Глава I

Пискановские до революции. Письма 1909–1917 годов

*Блаженны алчущие и жаждущие
правды; ибо они насытятся.*

Мф. 5, 6.

И отец, и дед Николая Пискановского были священниками. Родился Николай 1 мая (по старому стилю) 1887 года в семье протоиерея Иоакима Пискановского и его супруги Марии Ивановны, урожденной Кадлубовской. Скромный пастырь, отец Иоаким служил в церкви села Збироги, недалеко от железнодорожной станции Жабинка Гродненской губернии, в пятнадцати километрах от Брест-Литовска. У Николая было еще два брата и четыре сестры. Как и полагается отпрыску священнослужителя, он продолжил семейную традицию и поступил в духовную семинарию в Брест-Литовске. В 1909 году после завершения полного курса его определили псаломщиком в Стри-

говскую церковь, неподалеку от города Кобриня. В начале 1913 года — рукоположили во диаконы, он стал служить в Свято-Никольском храме в Брестской крепости. В 1913 году Николай сочетался браком с Клавдией, дочерью Петра Васильевича Котовича, уважаемого протоиерея из села Страдеч Брестского уезда. У Петра Васильевича с матушкой Таисией многодетная семья — у младшей дочери Клавдии трое родных братьев и шесть сестер. Далее приводятся тексты нескольких открыток.

Открытка Анны Петровны Котович¹⁰ родителям из Одессы на станцию Страдеч Брест-Холмской железной дороги; на лицевой стороне открытки изображены Винницкое реальное училище и женская гимназия.

«Его Высокопреподобию, Протоиерею о^{тцу} Петру Котовичу».

«27 июня 1909 г^{ода}»

Дорогих, глубокоуважаемых родителей и всех родных поздравляю с Храмовым праздником! Желаю в добром здоровье и радости встретить и провести этот торжественный день. Как поживаете и здравствуете?

А. Котович».

Открытка неизвестного, очевидно, прежнего псаломщика Стриговской церкви псаломщику Николаю Иоакимовичу Пискановскому из Москвы в Кобрину Гродненской губернии; на лицевой стороне — дом бояр Романовых.

¹⁰ Позднее вышла замуж за Юрия Киприяновича Павловича, сменив фамилию.

<31 декабря 1909>

«Его благородию псаломщику Стриговской церкви
Николаю Иоакимовичу Пискановскому.

Поздравляю тебя с Новым годом и от души желаю тебе всего наилучшего. Прошу, передай от меня нижайшее почтение Г^{<осподи>}ну Красновскому, стриговскому псаломщику. Прости, что ничего не пишу — нет времени. Все узнаешь потом. Остаюсь твой В. Дульк...»

Открытка Ольги Петровны Котович родителям на станцию Страдеч Брест-Холмской железной дороги; на лицевой стороне — изображение набережной Двины и замка в Риге.

<16 мая 1911>

«Его Высокопреподобию протоиерею о^{<тцу>} Петру Котовичу».

«Дорогие родители! Поздравляю дорогого папу с днем Ангела и от души желаю ему всяких благ, здравствовать много, много лет. Я приеду 21 или 22 мая. Клоде¹¹ поздравление пишу в Голдово. Нового ничего нет, да и скоро увидимся, потому до свидания. Маму с именинником поздравляю. Целую Вас крепко. Любящая Оля».

Поздравительная открытка от племянника Толи Савича «Клавдии Петровне Котович на станцию Страдеч Брест-Холмской железной дороги, в дом священника»¹²; на лицевой стороне открытки — ангел, по-

¹¹ Семейное уменьшительное имя для Клавдии.

¹² Адрес надписан взрослым.

дающий пасхальный кулич снявшему шапку мужику, и надпись «Христос Воскресе».

<15 апреля 1912>

«Ее Высокородию Клавдии Петровне Melle¹³ Котович».

Далее записано детским почерком.

«Христос Воскресе!

Милая и дорогая тетя Клодя! Поздравляю всех со Светлым праздником Пасхи и желаю всего наилучшего. Как Ваше здоровье? Мне довольно весело. Я все всегда вспоминаю, и мне тогда делается как-то скучно без Вас. Горячо любящий Вас Ваш племянник Толя Савич».

Открытка протоиерея Иоакима Пискановского сыну Николаю в село Стригово Кобринского уезда; на лицевой стороне открытки — собор в Брест-Литовске.

<3 декабря 1912>

«Его Благородию¹⁴ Николаю Пискановскому.

Дорогой Коля! Поздравляю тебя с днем Ангела и желаю тебе здоровья и всего наилучшего в жизни. Искренне любящий тебя.

Прот^{<оиерей>} Иоаким Пискановский».

Открытка Анны Петровны Котович родителям из Одессы на станцию Страдеч Брест-Холмской железной

¹³ Melle — мадемуазель, незамужняя девица.

¹⁴ Так с гордостью за сына, получившего духовное образование, писал его отец.

дороги; на лицевой стороне открытки изображена Киево-Печерская лавра.

<14 апреля 1913>

«Христос Воскресе!

С светлым праздником приветствую Вас, дорогие глубокоуважаемые родители, и шлю свои пожелания всего наилучшего и здоровья.

Как поживаете и здравствуете? Напрасно проездила я в Киев, Маша¹⁵ в это время выписалась из больницы, и мы с ней разминулись дорогой. Здоровье Маши мало поправилось в Киеве. Прочие все здоровы и шлют Вам свои приветы к празднику. Очень жалею, что поторопилась уехать и не пришлось отдать последнего долга почившему о_{тцу} Павлу. Крепко всех целую.

Искренне любящая А.».

Открытка псаломщику Стриговской церкви Николаю Пискановскому из Москвы, подписана буквой М.; на лицевой стороне открытки — Николаевский дворец в Кремле и Спасские ворота.

<17 апреля 1913>

«Псаломщику Стриговской церкви
Николаю Акимовичу Пискановскому.

Воистину Воскресе Христос! М. 1913. 17 апреля.
Христос Воскресе!»

Открытка Владимира и Юлии Самойловичей, родственников Котовичей, протоиерею Петру Васильевичу Ко-

¹⁵ Возможно, речь идет об одной из двоюродных сестер.

товичу, отцу Клавдии Петровны, на станцию Страдеч Брест-Холмской железной дороги; на лицевой стороне открытки — Михайловский монастырь в Киеве¹⁶.

<Лето 1913>

«Его Высокопреподобию,
Протоиерею о_{тцу} Петру Васильевичу,
Г_{осподину} Котовичу.

Поздравляю Вас с праздником; душою с Вами, но лично прибыть не можем, потому что моя седмица, а Юля без меня не хочет ехать, да и не совсем хорошо себя чувствует.

Наш поклон и привет всем родным и знакомым, собравшимся на праздник. Ваши В. и Ю. Самойловичи».

Открытка архимандрита Серафима (Самойловича)¹⁷ протоиерею Петру Васильевичу Котовичу на станцию Страдеч Брест-Холмской железной дороги. На лицевой стороне открытки — вид Яблочинского монастыря, в то время единственного православного мужского монастыря на Холмщине. Написана после 29 июня 1916 года, даты возведения иеромонаха Серафима в сан архимандрита. Над текстом нарисован знак Святого Креста — знак Благословения писавшего.

«Его Высокопреподобию,
Протоиерею о_{тцу} Петру Васильевичу
Г_{осподину} Котовичу.

¹⁶ Дата написана неразборчиво.

¹⁷ Архимандрит Серафим (Самойлович), другой представитель семьи, родственной Котовичам. Краткие сведения о нем приведены в *Приложении IV*.

Сердечно благодарю за великое внимание.
Глубоко уважающий Вас
Ваш покорный слуга Архим^{<андрит>} Серафим».

С началом Первой мировой войны в Брест-Литовске был организован госпиталь, Свято-Никольская церковь стала госпитальным храмом, в нем продолжал служить диаконом отец Николай. 24 февраля/9 марта 1915 года у супружеских Пискановских родилась дочь Ксения. В 1915 году в связи с наступлением германских войск из Восточной Пруссии госпиталь, где служил отец Николай, был эвакуирован в Одессу, туда же переехала семья Пискановских с маленькой дочерью, а храм Святителя Николая стал походным. Были также эвакуированы и переведены в Москву епархиальные управления: Гродненской и Брестской епархии, руководимой владыкой Михаилом (Ермаковым), а также Виленской епархии во главе с архиепископом Виленским и Литовским Тихоном (Беллавиным). В 1915 году отец Николай был вызван из Одессы в Москву для рукоположения во пресвитера. По воспоминаниям К. Н. Пискановской, таинство совершилось в храме Христа Спасителя и на нем присутствовали главы эвакуированных епархий. После возвращения в Одессу иерей Николай продолжил служение как священник походного госпитального храма Святителя Николая, а вскоре стал его настоятелем. И хотя храм в Брест-Литовске (позже — в Бресте) был впоследствии закрыт и осквернен, протоиерей Николай, как рассказывала позднее его дочь Ксения Николаевна, всю жизнь считал себя настоятелем брестской Свято-Никольской церкви.

Глава II

Судьба и деяния иерея Николая Пискановского после революции

Церковная деятельность в 1918—1928 годах

...а живем ли, для Господа живем;
умираем ли, для Господа умираем:
и потому, живем ли или умираем,
всегда Господни.

Рим. 14, 8.

В 1918 году госпиталь в Одессе был ликвидирован, иерей Николай Пискановский выехал служить вторым священником в украинское село Павлыш Кременчугского округа. 12 ноября 1919 года матушка Клавдия Петровна родила сына — тоже Николая¹⁸. Время было смутное, в селе появлялись разные банды, два раза пастырю Христову грозил расстрел. В конце 1919 — начале 1920 года в селе Ивановка соседнего Александрийского уезда был убит священник, и туда был направлен на служение отец Николай.

¹⁸ Николай Николаевич Пискановский.

Здесь он был возведен в санprotoиерея. Став благочинным, часто посещал вверенные селения, в проповедях на богослужениях и в беседах обличал разорителей Церкви. Дядя священника привез из родных мест чудотворную икону Божьей Матери Вальковской, причем по дороге у него похитили все вещи, кроме одного сундука, где и была икона Царицы Небесной. С этим чудотворным образом пастырь Христов устраивал крестные ходы.

Затем protoиерея Николая Пискановского перевели из Ивановки в уездный центр — город Александрию, — который после революции неоднократно менял административную приписку: входил в Херсонскую, потом в Николаевскую и затем в Елисаветградскую губернию, переименованную впоследствии в Кировоградскую область. Здесь служил в двух храмах — в кладбищенской церкви и Успенском соборе. В начале 1920-х годов гонения советской власти на Церковь и преследования священнослужителей уже сточились. По рассказам дочери, отца Николая, твердо выступавшего и против живоцерковников и обновленцев, и против изъятия церковных ценностей, преследовали неотступно: вызывали в ГПУ, держали в камере, затем, не доводя до суда, нехотя освобождали. Иногда пытались устроить грубые провокации: выпускав из камеры, тут же приглашали за стол, уставленный водкой и закусками, при этом пытались фотографировать священника, чтобы таким образом скомпрометировать пастыря перед прихожанами.

В сентябре 1923 года protoиерей Николай Пискановский был арестован по громкому делу иеромонаха Варсонофия (Юрченко)¹⁹, настоятеля Покровского храма в Александрии, которого вскоре после этого в

¹⁹ Краткие сведения о нем приведены в Приложении IV.

сан игумена возвел сам святитель Тихон (Беллавин). Отец Варсонофий в Александрийском округе служил миссионером по борьбе с обновленчеством, и естественно, что его ближайшими сподвижниками в этом деле стали отец Николай и его свояк, Антоний Петрович Котович²⁰, второй священник Покровского храма. В мае 1924 года после девятимесячного пребывания в тюрьме protoиерей Николай был освобожден под подписку о невыезде. В феврале 1925 года он был отправлен в Екатеринослав на показательный судебный процесс над «церковниками».

10 февраля Н. А. Пискановский был «осужден на 1 год без строгой изоляции» с последующей высылкой на 3 года из губернии. Через три месяца отправили в ссылку в Зиновьевск²¹. С этих пор и до конца жизни у protoиерея Николая лишь два социальных статуса — либо заключенный, либо ссылочный. Три месяца пастырь Христов провел в Зиновьевске, затем проследовал в ссылку в Полтаву. Семья — Клавдия Петровна, мать Мария Ивановна²² и трое (!) детей (к тому времени появился еще грудничок Сергей²³) — следовала за ним по городам и весям без всяких средств к существованию. Кров и пищу давали незнакомые добрые люди. Например, в Полтаве к ним одно время приходила старушка по имени Ксения, сказала, что она от блаженной Ксении, и ежедневно приносила хлеб, молоко и другую скромную снедь.

В Полтаве отец Николай в качестве административно ссылочного должен был регулярно отмечаться в

²⁰ Брат Клавдии Петровны Пискановской.

²¹ С 1924 по 1934 год назывался Зиновьевск, после смерти Кирова переименован в Кирово, а затем — в Кировоград.

²² Мария Ивановна Пискановская, урожд. Кадлубовская.

²³ Малыш вскоре скончался.

милиции, — впрочем, государственная репрессивная машина еще не имела той неумолимой жесткости, которую она приобрела к середине 30-х годов. Здесь достаточно было отметить всего один раз в месяц, в принципе следовало также сообщать о своих выездах в другие города, но постоянного контроля за поездками не было. Сам ссыльный объяснял свои поездки желанием посетить родственников и чаще всего называл город Кобеляки на Полтавщине, где в церкви служил священником Алексий Зверев, муж Агафии Петровны Котович, сестры Клавдии Петровны.

Важно также отметить, что помимо службы иереем в Троицком храме (вне штата) пастырь Христов в 1925–1926 годах, в период пребывания в Полтаве, исполнял также иное послушание. Это было время великих нестроений и трудностей Православной Церкви, а для ее украинской части проблемы усугублялись местными расколами (лубенцы, самосвяты). Больше-ники бешеными темпами вели аресты православных священнослужителей, стараясь лишить верующих наиболее опытных возглавителей. В связи с кампанией по изъятию церковных ценностей в 1922 году был арестован и осужден патриарший экзарх Украины митрополит Михаил (Ермаков).

Вся тяжесть управления украинской Церковью с этого момента легла на плечи епископа Уманского Макария (Кармазина)²⁴, викария Киевского архиерея, с честью выдержавшего тяжкое испытание. Он приступил к тайному рукоположению новых епископов из числа наиболее твердых «тихоновцев», вместе с другом и единомышленником епископом Ананьевским Парфением (Брянских)²⁵ наладил не подконтрольную

ОГПУ систему церковного управления, организовал деятельность независимых от безбожной власти церковных инициативных групп, состоящих из духовенства и мирян. Несмотря на аресты, владыка Макарий со своими друзьями-епископами долгие годы сохранял свое влияние в делах украинской Церкви. Среди его активных единомышленников помимо владыки Парфения упомянем также епископов Василия (Зеленцова)²⁶ и Дамаскина (Цедрика)²⁷.

А человеком, который у святителя Макария в 1925–1926 годах ведал организацией тайных встреч епископата, обеспечивал безопасную передачу наиболее важных документов адресатам и переписку по установленным адресам, был протоиерей Николай Пискановский. Он также неизменно помогал при тайных хиротониях, происходивших в Харькове, а затем сам или с помощью доверенных лиц доставлял подписанные епископами Украины акты на подпись заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому) в Нижний Новгород.

Именно отца Николая в 1926 году владыка Макарий благословил, например, объехать епископов в Киеве, Харькове, Полтаве, Житомире и других городах с тем, чтобы провести опрос по григорианскому расколу. Результаты опроса украинских архиереев по поручению святителя Макария были сообщены отцом Николаем митрополиту Сергию (Страгородскому), что укрепило позиции заместителя Местоблюстителя и позволило ему принять канонические меры против раскольников. Нижегородский архиерей решительно поддержал украинских архиереев в их борьбе с местными расколами.

²⁴ Краткие сведения о нем приведены в *Приложении IV*.

²⁵ Краткие сведения о нем приведены в *Приложении IV*.

²⁶ Краткие сведения о нем приведены в *Приложении IV*.

²⁷ Краткие сведения о нем приведены в *Приложении IV*.

Успешным совместным мероприятием украинских епископов и митрополита Сергия в этот период стало также устранение проблемы двоевластия в управлении Церковью весной — летом 1926 года. Митрополит Агафангел (Преображенский)²⁸, старейший на тот момент по сану и хиротонии иерарх Российской Православной Церкви, имел законные права на высшую церковную власть: он был указан вторым кандидатом в Местоблюстители еще патриархом Тихоном в январе 1925 года. Однако обстоятельства его возвращения из ссылки²⁹ и поспешное объявление себя Местоблюстителем в апреле 1926 года насторожили епископат. Митрополит Сергий после консультаций с рядом архиереев объявил, что не может отказаться от своих обязанностей по управлению Церковью, возложенных на него митрополитом Петром (Полянским)³⁰.

Пытаясь найти выход из тупиковой ситуации, к владыке Агафангелу с просьбой добровольно отказаться от своих притязаний на местоблюстительство обратился 6 мая 1926 года с открытым письмом епископ Прилуцкий Василий (Зеленцов), выразивший мнение украинских архиереев. Указывалось, что «православные епископы признают м^итрополита Петра Патриаршим Местоблюстителем, а Вас просят оставить это начинание»³¹. Подписи других епископов в поддержку этого письма получил протоиерей Николай Пискановский, он же 19 мая по просьбе владыки Василия вручил письмо митрополиту Агафангелу. И ему же доста-

²⁸ Краткие сведения о нем приведены в *Приложении IV*.

²⁹ После разговора с начальником 6-го отделения СО ОГПУ Тучковым.

³⁰ Краткие сведения о нем приведены в *Приложении IV*.

³¹ Мазырин Александр, священник. Участие украинских архиереев в делах высшего церковного управления РПЦ // Вестник ПСТГУ. № 99. 01.12.2009.

вил 17 июня новое письмо — на этот раз от митрополита Сергия (Страгородского) с ультимативным требованием отказаться от своих притязаний и таким образом прекратить начинавшуюся смуту. В составленном отцом Николаем документе, озаглавленном им «Интервью с митрополитом Агафангелом», рассказывается, как он земно поклонился и просил митрополита во благо Церкви послать свой отказ от местоблюстительства митрополиту Сергию и как, несмотря на высказанные сомнения, владыка Агафангел вечером вручил ему конверт с отказом и копией для украинских архиереев.

В 1926 году протоиерей Николай Пискановский совершил девять поездок в разные города страны в качестве посланца Собора украинских епископов, посетив высших иерархов Российской Православной Церкви и доставив им акты и постановления этого Собора. Такие показания он дал на следствии в Харькове, куда был отправлен после своего ареста в Полтаве³² 24 декабря того же года. На допросе он также не отрицал факта своих посещений митрополитов Сергия (Страгородского) и Агафангела (Преображенского). Отметим, что в протоколе допроса следователем было записано, что он был «курьером нелегально-го собора украинских епископов».

Позднее Г. А. Косткевич, один из курьеров, на допросе показал: «Связи от Всеукраинского центра осуществлялись курьерами. В 1925 г^оду курьер я — 2 поездки в Москву; в Полтаву и в Харьков — Кротевич³³ и Шуварская. В 1926–27 г^одах курьер Пис-

³² Допрос проводился уполномоченным секретного отдела ГПУ Украины (отдел ведал религией), арест проведен по его указанию Полтавским особым отделом ГПУ.

³³ Скорее всего это священнослужитель Борис Николаевич Кротевич. Краткие сведения о нем приведены в *Приложении IV*.

кановский, Кротевич, Селецкий³⁴ и я. Поездки конспиративные. Существовали клички: для Пискановского: «Пожарный», «Пискун»³⁵. «Для связи из Харькова в Ленинград систематически ездил Селецкий, из Киева — Иванов³⁶ и Бойчук³⁷, из Воронежа — Пискановский.. К осени 1927 г³⁸ подавшая протест группа распалась, все участники перешли на позицию легализации, и лишь Селецкий, Пискановский и Юрченко остались на позициях оппозиционных. С этого момента устанавливали связи с оппозиционными группами других городов, для чего Селецкий и Пискановский (до высылки в Воронеж) ездили в Ленинград, Москву и Воронеж»³⁸.

Выезды ссыльного Николая Пискановского из Полтавы привлекли внимание чекистов. Из позднейшего безыскусного рассказа его дочери становится ясно, как именно они действовали в данном случае. Николая Иоакимовича вызвали в Управление ГПУ, задали несколько пустячных вопросов и отпустили. Это обманчивое отсутствие напора объясняется тем, что на первых двух вызовах, по убеждению Ксении, матушка Клавдия Петровна сопровождала мужа и ждала его в приемной, а потом они вместе возвращались к себе. В третий раз Клавдия Петровна была занята с детьми и не смогла пойти вместе с

мужем по вызову. Отца Николая после короткого допроса увезли с конвоем на извозчике на вокзал, вывезли в Харьков и отправили прямо в тюрьму.

По словам Ксении Николаевны, ему на допросе заявили: «Никто не знает, где вы, что хотим, то с вами и сделаем». В ответ отец Николай заявил: «Жена меня все равно найдет и придет». На другой день в дом к семье пришла одна из прихожанок Троицкой церкви и сказала, что матушку Клавдию Петровну спрашивает какой-то молодой человек. Это был конвоир, он отвозил арестованного пастыря в Харьков на поезд и откликнулся на его просьбу передать весточку семье. По уверению Ксении, отца долго держали бы в тюрьме без всякого суда, но матушка явилась в Харьков и потребовала свидания с мужем. Клавдию Петровну задержали, но вскоре выпустили.

В материалах группового дела № 1173 отмечено, что «в 1926 году активом тихоновщины Украины в гор³⁹ Харькове был организован нелегальный собор епископов, который приступил к активной деятельности по консолидации и укреплению тихоновщины Украины». Далее утверждалось, что в качестве важного связного, который доставлял документы Собора, имеющие важное значение, выступал Николай Иоакимович Пискановский. «Настоящая фамилия курьера была строго законспирирована, и таковой известен был под кличкой “Пожарный”»³⁹. Чекистам пришлось выпустить арестованного из тюрьмы под подписку о невыезде, так как в ту пору у них не было еще достаточных доказательств противозаконной деятельности священника, хотя, по версии его дочери Ксении, причина заклю-

³⁴ Селецкий Григорий Гаврилович. Краткие сведения о нем приведены в Приложении IV.

³⁵ Из показаний Г. А. Косткевича от 27.04.31 // ЦГАОУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 66923. Т. 3.

³⁶ Иванов Дмитрий Николаевич. Краткие сведения о нем приведены в Приложении IV.

³⁷ Бойчук Андрей Николаевич. Краткие сведения о нем приведены в Приложении IV.

³⁸ Из показаний Г. А. Косткевича от 08.02.31 // ЦГАОУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 64454. Т. 4.

³⁹ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 9236. Т. 1. Л. 193.

чалась в провале тайного похищения. Отец Николай продолжил свою важную церковную деятельность, оставшись в Харькове.

После ареста митрополита Сергия (Страгородского) с 16/29 декабря 1926 года обязанности заместителя Патриаршего Местоблюстителя были возложены на архиепископа Угличского Серафима (Самойловича). Известно, что по поручению украинских епископов к нему на переговоры выезжалprotoиерей Николай Пискановский и позднее привез на Украину обнадеживающие известия относительно намерений нового руководителя Церкви⁴⁰. Особое положение ссыльного в церковной среде Харькова стало известно властям, в результате было подготовлено постановление об административной высылке его за пределы Украины, в Воронеж⁴¹.

2 апреля 1927 года после освобождения из тюрьмы в Нижний Новгород вернулся митрополит Сергий (Страгородский). По поручению Собора украинских иерархов protoиерей Николай Пискановский выехал в августе 1927 года на встречу с Сергием и передал ему соборное послание. Но на этот раз обстановка встречи складывалась напряженной, в отличие от предыдущего года, когда совместная борьба с расколами и разделениями церковного управления создавала атмосферу взаимного доверия между митрополитом Нижегородским и украинскими епископами. Дело в том, что вернувшийся к исполнению своих обязанностей управления Патриаршей Церковью митрополит Сергий после тяжелых месяцев в одиноч-

⁴⁰ Мазырин Александр, священник. Участие украинских архиереев в делах высшего церковного управления РПЦ // Вестник ПСТГУ. № 99. 01.12.2009.

⁴¹ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 9236. Т. 1. Л. 193.

ной камере внутренней тюрьмы ОГПУ выступил с Декларацией, призывавшей верующих к лояльности советской власти и опубликованной в газете «Известия» 16/29 июля 1927 года.

Первые варианты этого документа были подготовлены еще летом 1926 года, однако не удовлетворяли главного надсмотрщика властей за Церковью, начальника 6-го отделения Секретного отдела ОГПУ Е. А. Тучкова. Считалось, что именно неуступчивость в тот период митрополита Сергия по данному вопросу привела к его аресту. Тучков на какое-то время сделал ставку на назначение Патриаршим Местоблюстителем митрополита Кирилла (Смирнова)⁴²; но, получив от кроткого владыки категорический отказ уступить в принципиальных вопросах церковной жизни, нэзурядный психолог Тучков оставил попытки сломить казанского архиерея и вновь переключился на митрополита Сергия, уже надломленного пребыванием в тюрьме и готового на уступки власти, чтобы не быть вновь арестованным.

Опубликованная в июле Декларация вызвала ожесточенную полемику и надолго разделила верующих Российской Православной Церкви. И если ранее отец Николай доставлял митрополиту Сергию послания, исходящие из единого понимания задач Церкви, то на этот раз он вез митрополиту послание иного толка, предлагавшее ему пересмотреть свои позиции. Protoиерей Николай Пискановский был принят Сергием, передал послание, имел с ним обстоятельную беседу. По свидетельству Ксении Николаевны, отец Николай «просил и убеждал митрополита» отказаться от своей Декларации. Но, для нас очевидно, тот уже не мог внять доводам, приводившимся в послании, поэтому

⁴² Краткие сведения о нем приведены в Приложении IV.

protoиерей Николай отклонил его заманчивое предложение — «не ездить в Воронеж, принять хороший приход и митру в Нижнем Новгороде» — и заявил, что «поедет в назначенное ему место ссылки под покров Святого Митрофания».

После возвращения Николая Иоакимовича в Воронеж переехала вся семья. В небольшой Вознесенской церкви (вблизи занятого тогда «живоцерковниками» Митрофаньевского монастыря) настоятелем был замечательный батюшка, protoиерей Иоанн Ардалионович Андреевский⁴³, в службах принимало участие много ссыльных священников и монашествующих. Позднее на допросе отец Николай показал: «Постоянным местом моего служения в г^{<ороде>} Воронеже была Вознесенская церковь, штатным священником которой являлся Андреевский Иван Ардалионович. В других церквях я служил по приглашению». Далее он пояснил, что «с местным духовенством я только делился своими взглядами», а с protoиереем Иоанном Андреевским по вопросу отношения к Декларации и к самому митрополиту Сергию у них «обнаружился общий взгляд»⁴⁴.

Епископ Алексий (Буй), с ноября 1926 года сменивший на Воронежской кафедре известного и непоколебимого владыку Петра (Зверева), принял в духовное руководство крайне недовольную несправедливостью властей и достаточно сплоченную паству. Реакция прихожан на Декларацию митрополита Сергия, которой предписывалось поминование на богослужениях советской власти, была резко отрицательной. Так что активная поддержка клириков и верующих в противостоянии политике митрополита

⁴³ Краткие сведения о нем приведены в *Приложении IV*.

⁴⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 9236. Т. 1. Л. 17–17 об.

Сергия у владыки Алексия (Буя) была легко прогнозируема. 10 октября 1927 года на собрании духовенства Воронежской епархии, где зачитывалась Декларация митрополита Сергия, группа священнослужителей, а именно protoиереи Николай Пискановский, Иоанн Стеблин-Каменский и Владимир Чиликин, иереи Сергей Гортинский и Александр Филиппенко⁴⁵, выступила с особой резолюцией, выражавшей недоверие митрополиту Сергию и его Синоду.

Позднее на допросе келейник епископа Алексия (Буя), священник Степанов, показал, что в Воронеже, на квартире архиерея, часто проходили совещания с высланными священниками (среди других был назван и Николай Пискановский). Они приносили владыке «разного рода а^{<нти>}с^{<советскую>} и религиозную литературу и листки, разбирали их и принимали решения»⁴⁶. А обвиняемый С. А. Бутузов отметил на допросе: «Известно, что движение против митрополита Сергия по Воронежу было поднято не столько епископом Алексием, сколько тем ссыльным духовенством, которое тогда составляло общественное церковное мнение Воронежа, особенно о^{<тцом>} Николаем Пискановским, о^{<тцом>} Иоанном Каменским, и поддержано о^{<тцом>} Иоанном Андреевским⁴⁷. Они создали то твердое настроение массы, которое за собой увлекло почти все воронежское духовенство»⁴⁸.

⁴⁵ Краткие сведения о них приведены в *Приложении IV*.

⁴⁶ Из показаний С. Н. Степанова // ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 24705. Т. 5. Л. 642.

⁴⁷ С. А. Бутузов оговорился, И. А. Андреевский не был выслан в Воронеж.

⁴⁸ Из показаний С. А. Бутузова // ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 24705. Т. 4. Л. 456.

9/22 января 1928 года епископ Воронежский Алексий (Буй)⁴⁹ направил митрополиту Сергию протестное обращение от Воронежской епархии, среди первых были подписи священников Николая Пискановского и Иоанна Андреевского. Затем по церквям Воронежской епархии было распространено это Послание епископа Алексия (Бuya), в нем он обосновывал свой разрыв с главой РПЦ: «Вполне разделяя мнения и настроения верных православных иерархов и своей паствы, отныне отмежевываюсь от митрополита Сергия, его канонического Синода и деяний их». В целом к этому обращению присоединились более четырехсот священников и мирян. 27 января владыка Алексий был запрещен митрополитом Сергием в священнослужении и освобожден от управления епархией. Весной 1928 года группа священнослужителей и мирян епархии во главе с епископом Алексием официально вошла в молитвенное общение с митрополитом Иосифом (Петровых)⁵⁰.

Властями были «приняты меры». Подготавливая аресты наиболее активных «церковников», они срочно начали сбор компромата от «добровольных» помощников. Об обстановке в епархии в то время подробно докладывал один из них, священнослужитель, отметив в агентурных сообщениях, что епископ Алексий (Буй) является в ореоле «столпа веры»; что духовенство епархии «взято под подозрение и внимательно следит за каждым, не окажется ли он еретиком»; что после возвращения из Москвы владыка Алексий повел агитацию еще шире, вызвав «полную расстряниность среди духовенства». 28 января 1928 года еще один из них сообщал: «Епископ Алексей Буй в

⁴⁹ Краткие сведения о нем приведены в Приложении IV.

⁵⁰ Краткие сведения о нем приведены в Приложении IV.

церкви Девичьего монастыря объявил верующим о том, что ввиду того, что митр[<]ополит[>] Сергий Нижегородский уклонился в обновленчество, православные не должны иметь с ним общение, почему и он, Буй, отказывается от м[<]итрополита[>] Сергия, а «избирает» в патриаршие местоблюстители архиепископа Иосифа Ростовского <Петровых>. После него выступил священник Пискановский Н. А. и начал защищать позицию еп[<]ископа[>] Алексея».

10 февраля 1928 года один из «добровольных помощников» чекистов сообщал, что активными единомышленниками епископа Алексия (Бuya) являются Н. А. Пискановский, А. Л. Филиппенко, И. А. Андреевский, так что их «не только желательно, но и настоятельно необходимо теперь же отзвать куданибудь из Воронежа»⁵¹. 10 марта поступило сообщение о разделениях в среде воронежских прихожан: часть пошла за митрополитом Сергием и его Синодом, другая часть — за епископом Алексием (Буем), — об этом доносил второй «добровольный помощник», сообщив, что «часть Покровского прихода (более 100 дворов) ушла в Вознесенскую церковь к свящ[<]еннику[>] Николаю Пискановскому»⁵². Еще один из подобных «помощников» 25 апреля докладывал, что «Андреевский, Пискановский и Ацеров⁵³ — главные рассадники и распространители буевщины, ходят даже в наши общины и разносят слухи, что Сергий <Страгород-

⁵¹ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 9236. Т. 1. Конверт. Меморандум. Л. 3, 8, 9. («Изъятие» епископа Алексия было обычным. 7 марта 1929 — арестован, 17 мая приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения.)

⁵² ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 9236. Т. 1. Конверт. Меморандум. Л. 6.

⁵³ Скорее всего это священник Ацеров Дмитрий Васильевич.

ский> имеет какое-то отношение к советским органам, подразумевая ОГПУ. Говорят, что ему не нужно доверяться, что он — еретик»⁵⁴.

После сбора компромата начались массовые аресты и приговоры по групповым процессам «церковников». Согласно материалам следственного дела 10 мая 1928 года были взяты под стражу восемь участников⁵⁵ «весьма скрытной, конспиративной контрреволюционной группы лиц, которые прямо уличаются в антисоветской деятельности»⁵⁶; среди них протоиереи Иоанн Андреевский и Николай Пискановский⁵⁷, иерей Павел Смирнский⁵⁸ и Александр Филиппенко⁵⁹. Все лето они содержались в губернском исправительном трудовом доме⁶⁰. 18 мая 1928 года отец Николай дал подробные показания на допросе о предыдущих своих задержаниях, арестах, приговорах, местах ссылок.

⁵⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 9236. Т. 1. Конверт. Меморандум. Л. 10–11.

⁵⁵ По делу № 1173 арестованы: Андреевский Иван Ардалионович, Дорохотова Александра Леонидовна, Константинов Андрей Алексеевич, Оболенский Константин Митрофанович, Пискановский Николай Иоакимович, Смирнский Павел Васильевич, Терентьева Лидия Ивановна, Филиппенко Александр Леонтьевич.

⁵⁶ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 9236. Т. 1. Л. 198.

⁵⁷ Сохранилась записка отца Николая, где он указал настоящую дату своего ареста — 4 мая.

⁵⁸ Краткие сведения о нем приведены в Приложении IV.

⁵⁹ Есть фотография этих священников, на ее обороте запись: «1928 июня 12: <благословение крестиком> на добрую память дорогой матери! Посмотрите на эту карточку и не скорбите. Я с добрыми друзьями. Горячо любящий сын Николай».

⁶⁰ Так стали тогда называть тюрьмы в стране, сохранилась фотография этого здания с подписью Николая Пискановского.

«Первый раз я был арестован в июле ме 1923 г<ода>. Затем, пробыв в заключении три дня, я был арестован вторично в сентябре ме 1923 г<ода>, уже будучи священником соборного храма г<орода> Александрии». Обвинялся в антисоветской агитации «с использованием религиозных предрассудков в среде масс и за агитацию против науки и явлений природы».

«При последующем аресте я находился в заключении в течение 9-ти мев, после чего был освобожден под подписку с ограничением прав выезда с местожительства.

В 1925 г<оду> в феврале ме состоялся суд, приговором которого я был признан виновным по ст<атье> 120 УК и осужден на 1 год без строгой изоляции, с высылкой по отбытии наказания на три года из пределов губернии. Отбыв годичное заключение и высылку в г<орода> Зиновьевске и Полтаве, я был в г<ороде> Полтаве обратно арестован в 1926 г<оду> и доставлен в ГПУ УССР г<орода> Харькова. Пробыв 4 ма в заключении, меня ГПУ, в связи с болезненным состоянием, освободило под подписку.

В июне ме 1927 г<ода> мне было объявлено об административной высылке, и я сейчас же выбыл на жительство в г<ород> Воронеж. Общее обвинение носило характер в первом случае, то е<стъ> до суда 1925 г<ода>, — борьба с обновленческой ориентацией и в последнем случае — борьба с “лубинщиной”, то е<стъ> с ориентацией, примыкающей в настоящее время к ВВЦС⁶¹.

По прибытии в г<ород> Воронеж я находился как адм<инistrativno> высланный до 26 января с<его>

⁶¹ ВВЦС — Временный Высший Церковный Совет.

г^{ода}. После чего мне было возвращено право свободного проживания во всех городах СССР. В г^{ороде} Воронеже, со дня прибытия сюда, я примкнул и до сего момента нахожусь в части канонического общения у еп^{ископа} Алексия (Буя)»; «До 9 января <по старому стилю> сего года, то е^{сть} до отхода еп^{ископа} Алексия (Буя) от митр^{opolита} Сергия <Страгородского>, я с еп^{ископом} Алексием по вопросу декларации последнего не имел разговора, и имел с ним только после его отхода»⁶².

На этом же допросе Николаю Пискановскому был задан совершенно неожиданный для представителя карающей власти церковно грамотный вопрос: с какими пунктами Декларации обвиняемый не согласен и в чем же конкретно, с его точки зрения, неканоничность митрополита Сергия (Страгородского) и его Синода. И подробнейший ответ отцаprotoиерея очень показателен для понимания его отношения к самой Декларации, а главное — к окончательно определившейся к тому времени деятельности Сергия.

«Неканоничность я рассматриваю по следующим моментам:

1) обнародованная декларация митр^{opolита} Сергия не имеет благословения митр^{opolита} Петра Крутицкого и

2) декларация, содержание которой полностью противоречит постановлению 1917–18 годов Всероссийского Церковного Собора Православной Церкви.

Я лично не согласен со следующими пунктами:

1) где говорится о том, что мы, духовенство, не бывало до сего времени лояльно по отношению существующего государственного строя и что духовенство

⁶² Из показаний Н. А. Пискановского // ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 9236. Т. 1. Л. 16 об. — 17 об.

до сего времени занималось контрреволюционной деятельностью.

2) В части поминования властей я не согласен по тем мотивам, что раз власть не нуждается в этом, не требует, следовательно, и сам по себе вопрос ясен — поминование не должно иметь места.

3) Поскольку существующий государственный строй, или сов^{етская} власть преследует основную цель — приход к социализму и не нуждается в церковной поддержке, следовательно, союза у Церкви с безбожным государством быть не может»⁶³.

На вопрос следователя, кого из владык protoиерей Николай поминал на богослужениях, тот ответил уверенно, что поминал после «Достойно» митрополита Петра (Полянского) и архиереев Воронежской епархии: архиепископа Петра (Зверева) и епископа Алексия (Буя). Очевидно, на вопросы о связях его со священнослужителями в других городах и о своей переписке с единоверцами он отказался давать показания, но об этом есть данные в показаниях Г. А. Косткевича, который утверждал, что священник Григорий Селецкий переписывался с Воронежем, а именно «в лице Алексея Буя и Пискановского»⁶⁴.

В июле 1928 года арестованным было предъявлено «Обвинительное заключение», в нем значилось: «Происшедшие за последнее время церковные события в Воронеже — отход от митрополита Сергия его Воронежского епископа Алексея Буя форсировали антисоветскую деятельность контррев^{олюционных} элементов, отмеченных выше. Епископ Буй под на-

⁶³ Из показаний Н. А. Пискановского // ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 9236. Т. 1. Л. 18.

⁶⁴ Из показаний Г. А. Косткевича от 08.02.31 // ЦГАОУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 64454.

жимом Зверевской группировки пошел на декларативные заявления о непризнании политической позиции по отношению к Советской власти, выраженной в послании митрополита Сергия. Одновременно с этим заявлением Алексея Буя контрреволюционные элементы стали распространять провокационные слухи, что обнародованное обращение митрополита Сергия составлено Сов^{етской} властью, в частности органом ОГПУ, что митр^иopolit Сер^{гий} и его последователи в гор^{оде} Воронеже состоят на службе в ОГПУ; «Подобная агитация привела к беспорядкам в церквях, наэлектризованные агитацией несознательные верующие массы избивали некоторых священников по подозрению, что они являются предателями, т^оо e^{сть} сторонниками митрополита Сергия».

Николаю Иоакимовичу Пискановскому, как и другим арестованным по групповому делу, было предъявлено обвинение в том, что они, «примыкая к реакционно-черносотенному кругу церковного движения и участвуя в создании в церковных кругах раскола, вели наряду с этим активную антисоветскую агитацию среди верующих, возбуждая к волнениям и беспорядкам против Советской власти»⁶⁵. 31 августа 1928 года были приговорены⁶⁶: Николай Пискановский, Александр Филиппенко и Константин Оболенский — к 3 годам концлагеря, Иоанн Андреевский, Павел Смирнский и все остальные обвиняемые — к 3 годам ссылки в Среднюю Азию и иные отдаленные места.

⁶⁵ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 9236. Т. 1. Л. 16.

⁶⁶ По постановлению Особого совещания при Коллегии ОГПУ.

Соловецкий лагерь. Кехта. 1928—1932 годы

Блаженны изгнанные за правду;
ибо их есть Царство Небесное.

Мф. 5, 10.

14 сентября 1928 года осужденного Н. И. Пискановского отправили по этапу из Воронежа на Соловецкие острова. Ксения Николаевна позднее писала: «Отец очень стремился на Соловки, хотел рассказать о Декларации митрополита Сергия». Действительно, в это время для русского духовенства не было более жгучей мировоззренческой проблемы, чем отношение к этой Декларации. А Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), где оказалась представительная и довольно многочисленная группа влиятельных иерархов Российской Православной Церкви, являлся крупным центром православной мысли. Осенью 1928 года в лагере на Соловках находился, в частности, украинский епископ и друг Николая Пискановского Василий (Зеленцов), позднее к ним примкнул и их общий знакомый — епископ Дамаскин (Цедрик).

На Соловках, как и во всей стране, православное духовенство опять, как во времена появления «живой церкви», расколото надвое: на «иосифлян», названных по имени митрополита Иосифа (Петровых), не признавшего Декларации; и «сергианцев» — по имени митрополита Сергия (Страгородского), заместителя Местоблюстителя патриаршего престола, эту Декларацию провозгласившего. Большинство соловецких священнослужителей — «иосифляне», во главе их епископ Вятский Виктор (Островидов). С ним такие архиереи, как архиепископ Петр (Зверев), епископы Василий (Зелен-

цов), Иларион (Бельский)⁶⁷, Нектарий (Трезвинский)⁶⁸, позднее — Дамаскин (Цедрик). Выдающаяся фигура среди «иосифлян» острова — первый катакомбный тайный епископ Максим (Жижиленко), личный друг патриарха Тихона, в прошлом главный врач Таганской тюремной больницы. Он глубоко чтил отца Николая, любовно именуя его «адамант Православия».

Священник Николай Пискановский — общий духовник для всего епископата и духовенства у соловецких «иосифлян». По свидетельству Ивана Михайловича Андреевского⁶⁹, протоиерей Николай получил записку от жены и сына: «Мы всегда радуемся, думая о твоих страданиях за Христа и Его Церковь. Радуйся и ты о том, чтобы и мы сподобились быть снова и снова гонимыми за Господа».

Рассказывал Иван Михайлович и о тайных службах Страстной седмицы и о Пасхальной заутрене:

«Так, например, в Великий Четверток 1929 г^{ода}, служба с чтением 12 Евангелий была совершена в нашей

⁶⁷ Краткие сведения о нем приведены в *Приложении IV*.

⁶⁸ Краткие сведения о нем приведены в *Приложении IV*.

⁶⁹ Подельник Д. С. Лихачева. Андреевский Иван Михайлович, родился в 1894 в Санкт-Петербурге. Окончил философское отделение университета в Париже и историко-филологический факультет Петроградского университета, учился на медицинском факультете Психоневрологического института. Психиатр, историк, философ, доцент Ленинградского государственного университета, преподаватель в школе. Организатор литературно-философских кружков и «Братства преподобного Серафима Саровского». 11 февраля 1928 — арестован по делу «Братства», 8 октября приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. После освобождения из лагеря и ссылки вернулся в Ленинградскую область. Во время войны эмигрировал, писал под псевдонимом «Проф. Ив. Андреев». Скончался в 1976 году в Нью-Йорке.

камере врачей, в 10-й роте. К нам пришли, якобы по делу о дезинфекции, Владыка Виктор⁷⁰ и о^{тец} Николай. Потом, катакомбно, отслужили церковную службу, закрыв на задвижку дверь...

В пятницу, когда мы, врачи, только что вернулись в свои камеры после 12-часового рабочего дня, к нам пришел о^{тец} Николай и сообщил: «Богослужение — чин погребения — состоится и начнется через час». «Где?» — спросил Владыка Максим⁷¹. «В большом ящике для сушки рыбы, который находится около леса... Условный стук 3 и 2 раза. Приходить лучше по одному»...

Через полчаса Владыка Максим и я вышли из нашей роты и направились по указанному «адресу». Дважды у нас спросили патрули пропуска. Мы, врачи, их имели. Но как же другие: Владыка Виктор, Владыка Иларион⁷², Владыка Нектарий⁷³ и о^{тец} Николай?.. Владыка Виктор служил бухгалтером на канатной фабрике, Владыка Нектарий — рыбачил, остальные — плели сети... Вот и опушка леса. Вот ящик, длиной сажени 4. Без окон. Дверь едва заметна. Светлые сумерки. Небо в темных тучах. Стучим 3 и потом 2 раза. Открывает о^{тец} Николай. Владыка Виктор и Владыка Иларион уже здесь... Через несколько минут приходит и Владыка Нектарий. Внутренность ящика превратилась в церковь. На полу, на стенах еловые ветки. Теплятся несколько свечей. Маленькие бумажные иконки. Маленькая, в ладонь величи-

⁷⁰ Имеется в виду епископ Виктор (Островидов)

⁷¹ Имеется в виду епископ Максим (Жижиленко).

⁷² На Соловках в то время находились два владыки с именем Иларион. Андреевский вспоминает о епископе Иларионе (Бельском), горячем стороннике владыки Виктора (Островицова). Был еще Иларион (Троицкий), осудивший Декларацию, но не порвавший общения с митрополитом Сергием.

⁷³ Имеется в виду епископ Нектарий (Трезвинский).

ной, плащаница утопает в зелени веток. Молящихся человек 10. Позднее пришли еще 4-5, из них — два монаха... Началось богослужение. Шепотом. Казалось, что тел у нас не было, а были только одни души... Я не помню — как мы шли "домой", т_{<о>} е_{<сть>} в свои роты. Господь покрыл!..

Светлая заутрена была назначена в нашей камере врачей. К 12 часам ночи, под разными срочными предлогами по медицинской части, без всяких письменных разрешений, собирались все, кто собирался придти, человек около 15... После заутрени и обедни — сели разговаривать. На столе были куличи, пасха, крашеные яйца, закуски, вино (жидкие дрожжи с клюквенным экстрактом и сахаром). Около 3 часов разошлись...»⁷⁴

О Соловецком периоде в жизни отца Николая с большим почитанием написал в «Воспоминаниях» и Дмитрий Сергеевич Лихачев.

«Он был другой⁷⁵. Его нельзя было назвать веселым, но всегда в самых тяжелых обстоятельствах он излучал внутреннее спокойствие. Я не помню его смеющимся или улыбающимся, но всегда встреча с ним была какой-то утешительной. И не только для меня. Помню, как он сказал моему другу, год мучившемуся отсутствием писем от родных, чтобы он потерпел немного и что письмо будет скоро, очень скоро. Я не присутствовал при этом и поэтому не могу привести точных слов отца Николая, но письмо пришло на следующий день. Я спросил отца Николая — как он мог знать о письме? И отец Николай от-

⁷⁴ Проф. Ив. Андреев (И. М. Андреевский). Катакомбные богослужения в Соловецком концлагере // Православная Русь. Джорданвиль, 1948. № 12.

⁷⁵ По сравнению с владыкой Виктором (Островидовым).

ветил мне, что он и не знал, а так как-то вымогалось. Но таких "вымогалось" было очень много...»⁷⁶

Дмитрий Сергеевич Лихачев, прибывший на Соловки в ноябре 1928 года, позднее подробно написал Ксении Николаевне о своей встрече с ее отцом в лагере.

<3 марта 1966>

«Глубокоуважаемая и дорогая Ксения Николаевна! Я знал Вашего замечательного отца с ноября 1928 г<ода> по 1930 или 1931 год (точного времени, когда Вашего отца увезли с Соловков, я не помню).

Он был святым человеком. Познакомился я с ним так. В самом начале ноября 1928-го нас привезли в Кемпер-пункт и отправили на Попов остров для переброски на Соловки. Положение, в котором мы были — было страшное, не буду его описывать. Мы (несколько молодых людей) встретили в бараке на Поповом острове священника, которого только что привезли с Соловков. Этот священник сказал нам, что когда нас привезут в Соловки, мы бы обратились там к о_{<тицу>} Николаю и о_{<тицу>} Александрю⁷⁷, и они нам помогут. На следующий день нас погрузили на пароход и отправили. Я с трудом выдержал переезд: я так отек, что не мог есть и глотать (отекло горло). Ночью нас поместили в 13 роту (роту "общих работ") и втиснули на нары между спящими. Утром я проснулся и увидел рядом с собой священника, от которого веяло тишиной, миром, спокойствием. Он сидел на нарах (часть спящих уже ушла на работу) и

⁷⁶ Лихачев Д. С. Воспоминания. Изд. 2-е. Logos, 1997. С. 358–359.

⁷⁷ Священник Александр Филиппенко.

что-то чинил (помню иглу в руках). Был он освещен дневным светом (нары в нашем месте упирались в окно). Я сразу же спросил об о~~тец~~ Николае. Это оказался он! О~~тец~~ Александр спал тут же, но в этот момент его уже не было: его угнали на работу; он был печник. Я так был поражен, что тот, к которому нас посыпали, оказался тут же, спал рядом со мной, что не мог счесть это случайностью. И потом очень привязался к о~~тец~~ Николаю. О~~тец~~ Николай познакомил меня на острове с людьми, которые устроили меня на сравнительно легкую работу, и я на ней проработал уже до конца сравнительно благополучно.

Вот несколько штрихов из жизни Вашего отца. Уборная в нашей роте была в алтаре. О~~тец~~ Николай, как и о~~тец~~ Александр, не ходили туда, а пользовались уличной. Это было мучительно (особенно ночью, так как из роты не выпускали). У о~~тец~~ Николая был антиминс. Он всегда был приветлив. В нем не было ни яйту ненависти к кому бы то ни было. Он все как бы понимал. Среди нас, молодых людей, был один, который все время заявлял, что он атеист. О~~тец~~ Николай и о~~тец~~ Александр жалели⁷⁸ его, и нам говорили — «он сирота». Толя (так звали юношу) очень полюбил о~~тец~~ Николая и о~~тец~~ Александра. Он действительно был несчастен (потом он заморил себя во время болезни). О~~тец~~ Николай потом жил в 6-й роте — роте сторожей и работал сторожем. Еще потом он работал в артели рыболовов сетевязом. Там уже было сравнительно хорошо: топчаны в бараке, а не нары, рыба для еды и работа, которую он любил (вязание сетей для рыбы). Но кругом было страдание, — значит, страдал и он. Я со своим другом (Эдуард Розенберг) заходили к о~~тец~~ Николаю и о~~тец~~ Александру в их барак.

⁷⁸ Подчеркивание в оригинале.

И они нас угождали жареной соловецкой сельдью. Помню, это было на Пасху; я сразу почувствовал праздник <...> Как был бы рад о~~тец~~ Николай узнать, что его дочь такая — как Вы сейчас.

Глубоко Вас уважающий Д. Лихачев.

Весть о Вас была мне благой вестью о Вашем отце».

Очевидно, по просьбе Ксении в своей поздней открытке с видом Соловецкого монастыря и двумя нарисованными стрелками Дмитрий Сергеевич Лихачев дал пояснения⁷⁹.

«1) Под этой стрелкой находится трехэтажный корпус. На первом этаже была шестая рота сторожей. Здесь жили священники и тайно совершали литургию на антиминсе, который был у отца Николая Пискановского.

2) Под другой стрелкой находился сельхозлагерь. Здесь работал бухгалтером владыка Виктор и тут жил, но молиться ходил в шестую роту. Все священники и епископы не признавали Сергея.

Д. Лихачев».

В интервью Дмитрия Сергеевича Лихачева авторам историко-публицистического фильма «Власть Соловецкая» эпизод знакомства его со священником Николаем Пискановским рассказал подробнее, с учетом интересных лагерных реалий; приведем отрывок из него.

«Я показал нарядчику из чубаровцев один рубль, и он за этот рубль устроил мне место на койке. И не только мне, но и моим товарищам по делу "Космической академии". Все "академики" получили место на нарах. На-

⁷⁹ Открытка от 8 января 1993 года, факсимile приводится среди иллюстраций.

рядчик меня впихнул на переполненные нары. Я не помню, как сразу заснул, проснулся в совершенно идиллической обстановке. Я проснулся утром, вокруг никого нет. Оказывается, что за этот рубль нарядчик не только всех моих поселил, но и меня не тронул, оставил.

Около меня, это около огромного церковного окна на длинном подоконнике, сидит священник и штопает свою ряску. Он на меня глядит, добрый такой человек, добрыми глазами глядит и ухмыляется. Спрашивает, кто я такой? Верующий ли я или не верующий? А я ему говорю, что только что был в Кемперпункте, и там отец Александр сказал, что мне нужно найти отца Николая Пискановского, и он устроит меня на какую-нибудь блатную работу. Слово "блат" возникло на Соловках и распространилось по всему Советскому Союзу. Ты — мне, я — тебе. Знакомства. А священник мне и говорит: "Я и есть отец Николай Пискановский" ...

Я потом очень привязался к отцу Николаю. Отец Николай познакомил меня на острове с людьми, которые устроили меня на сравнительно легкую работу, в Криминологический кабинет, хотя сам от многих работ отказывался. И я там проработал уже до конца сравнительно благополучно.

Причем страдалец был страшный, еще и потому, что уборная Тринадцатой роты была устроена в алтаре, но разве священник может пойти в уборную в алтарь? Значит, он ходил ночью через весь Кремль в общую уборную, которая "латринес-центролес" называлась⁸⁰, в шутку. Когда он возвращался, то места на нарах уже не было, так как сжатая масса людей расправлялась, заняв пространство, и он сидел на подоконнике до утра. Но властью обла-

⁸⁰ «Латринес центролес» — дословно в переводе с латыни «туалет центральный».

дал огромной и потому, что его уважали, и потому, что у него везде были знакомые...»⁸¹

Приведем текст открытки Николая Пискановского своей дочери Ксении, с утраченной почтовой маркой и штемпелем — «Проверено № 2 УСЛОН». Открытка напечатана в типографии Соловецкого лагеря, на лицевой стороне открытки изображены «Почтарские лодки на веслах по шуге»; адресована в Воронеж Ксении Николаевне Пискановской «от заключенного Пискановского Николая Акимовича».

<22 апреля 1929>

«ХВ!

Дорогая моя детка Ксеничка. Приветствую с праздником. Пишу письмо маме. Я здоров. От вас писем нет. 25 рублей получил. Да укрепит вас всех Господь в стоянии и даст терпение. Отец Захарушки... всегда... Пишите. В. и М.⁸² шлют благословление. Горячо целую тебя, бабушку⁸³, маму⁸⁴. Любящий Н.».

Весной 1929 года к Екатерине Павловне Пешковой, возглавлявшей организацию «Помощь политическим заключенным», обратилась за помощью в получении разрешения на свидание со священником Николаем Пискановским его жена, Клавдия Петровна. В июле

⁸¹ Запись интервью была сделана в 1987 году, распечатка выполнена машинисткой Зоей Дмитриевной Марченко. — Примечание Ю. А. Бродского.

⁸² Скорее всего В. и М. — это тогдашние соузники отца Николая, епископы Виктор (Островидов) и Максим (Жижленко).

⁸³ Мария Ивановна Пискановская.

⁸⁴ Клавдия Петровна Пискановская.

1929 года заведующий юридическим отделом сообщил ей ответ на официальный запрос в ОГПУ.

<15 июля 1929>

«Пискановской Клавдии Петровне

В ответ на Ваш запрос, согласно справке, полученной из ОГПУ, сообщаю, что в выдаче разрешения на свидание с Пискановским Н. А. отказано»⁸⁵.

В ноябре 1929 года отец Николай отправил с Соловков открытку десятилетнему сыну Коле, адресована в Воронеж «от заключенного Пискановского Николая Акимовича». На лицевой стороне открытки изображена «часовня Елиазара» на острове Анзер; стоит штемпель — Кемь, 1929 год; наклеена почтовая марка 10 копеек. Открытка напечатана в местной типографии, тогда считалось, что прибавление к имени Елиазара «св.» было бы политически неверным, да и имя лучше исказить.

<29 ноября 1929>

«С этим послал письмо маме. Я, слава Богу, здоров. На этой неделе не получил от вас письма. Как твоё здоровье? Всех близких и родных благословляю. Горячо целую мамочку, Ксению и тебя. Любящий о^{тец} Николай. 29 ноября».

Открытка отца Николая жене Клавдии Петровне, адресованная в Воронеж. На лицевой стороне изображена одна из башен Соловецкого монастыря, надпись — «У входа в кремль»; наклеена почтовая марка 10 копеек и

⁸⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 385. Л. 245. Машинопись.

надпечатано — «Проверено УСЛОН». По краткости текста и отсутствию упоминаний хоть каких-то реалий жизни заключенного на Соловках понятно, что писалась открытка в условиях жесточайшей цензуры.

«1930 г^{од}. 21/9 марта. Дорогая мамочка, Клавдюша, Ксеничка и Коленька! Уже прошла первая неделя <Великого Поста>. Я, слава Господу, здоров и бодр. Пасха <нрзб.> ... Погода у нас солнечная и тихая... Благословляю всех вас».

В своей последней открытке отец Николай еще упоминал среди своих воронежских адресатов Клавдию Петровну. Но с начала 1930 года в Воронеже проходила новая широкая волна арестов по церковным делам. Схватили многих ссыльных священников и мирян, а 11 февраля арестовали и матушку Клавдию Петровну. В материалах следственного дела указано, что это не первый ее арест и что она уже была ранее в лапах Полтавского ГПУ. Но тогда подержали и отпустили, на этот раз для такой опасной «рецидивистки» все гораздо серьезнее — она обвиняется как «участница контрреволюционной церковно-монархической организации». 28 июля 1930 года по Постановлению Коллегии областного ГПУ Пискановская была приговорена к 5 годам лагерей и отправлена в тот же УСЛОН, только не на Соловецкие острова, а в лагерь на материковой части Карелии.

Заметим, что с 1929 года во многих регионах страны прошли массовые аресты священнослужителей и мирян как «участников Всесоюзной контрреволюционной церковно-монархической организации Истинно-Православная Церковь» и ее «филиалов» по регионам страны — беспрецедентные как по количеству арестованных, так и по жестокости наказаний. В 1930—

1931 годах было вынесено много расстрельных приговоров священнослужителям, среди погибших — друзья и знакомые отца Николая по Соловкам: 7 февраля 1930 года расстрелян епископ Василий Зеленцов, высланный после Соловков в Иркутскую область, а осенью 1929 года привезенный в Москву для следствия по новому делу; 4 июня 1931 года расстрелян тайный епископ Максим (Жижиленко), в декабре 1930 года отправленный с Соловков в Москву на следствие по групповому делу духовенства и мирян. Отца Николая, по словам Ксении Николаевны Пискановской, «тоже готовили отправить на процесс, тоже был бы расстрелян, но он к тому времени просидел уже больше половины срока, поэтому его не вывезли».

Клавдии Петровне Пискановской пришлось пройти страдный путь по «командировкам» материевой Ка-релии — это расползлось подобно раковой опухоли Соловецкое управление ГУЛАГа: сначала — по Карелии, пустив метастазы в чудовищной зоне Беломоро-Балтийского канала, а затем — по всей стране. Тем не менее ей довелось встретиться с мужем на пересыльном пункте в Кеми (Кемперпункт) в момент формирования этапа, с которым отца Николая отправляли с Соловков в ссылку. Их встречу позднее описал Дмитрий Сергеевич Лихачев в письме к Ксении Николаевне Пискановской.

«Была у о~~тца~~ Николая одна забота, которая его особенно мучила: он не знал, что стало с его детьми. Он очень боялся, что детей его забрали в дет~~ский~~ дом и они получат там не то воспитание, которое ему бы хотелось (кто научит их молиться?). Затем, когда Соловки стали разгружать от больных, его вывезли. И вот тут произошло чудо. Мне рассказывали, что в Кемперпункте он стоял в длинной очереди за кипятком к крану кубовой.

А с другой стороны шла такая же длинная очередь женщин. У крана кубовой только и могли встретиться мужчина и женщина: больше нигде. И вот, когда он подошел к крану со своим чайником и поднял голову, то с другой стороны увидел свою жену: ее везли в каком-то другом направлении. Их заслонили от конвоя, и они успели поговорить. Жена успела сказать о~~тцу~~ Николаю, что детей (значит, и Вас, глубокоуважаемая Ксения Николаевна) взяли добрые люди, которые воспитают детей так, как нужно. Рассказывали мне, что это дало о~~тцу~~ Николаю силы перенести все остальное»⁸⁶.

Действительно, после ареста матушки Клавдии Петровны ее свекровь, Мария Ивановна Пискановская, увезла внуков из Воронежа к своей дочери, Екатерине Иоакимовне Домочальской, в Коростень Житомирской области. Дядя Миша, муж дочери, тихий и добрый человек, работал кассиром товарного двора местного железнодорожного узла. Для тети Кати любая связь с арестованными казалась слишком опасной, поэтому она не захотела оставлять у себя племянницу Ксению, которая переписывалась с родителями и хотела ехать к ним на свидание. Ксения переехала в Одессу к тете Анне Петровне *(Павлович)*, которая не противилась ее переписке, и поступила учиться в фабрично-заводское училище «Химпромсоюза».

Открытка тринадцатилетнего Коли сестре Ксении, посланная из Коростеня в Одессу. Напечатана она в Сталинграде, с невразумительным видом Нижнего Поволжья; тиражом 500 тысяч экземпляров с указанной ценой 10 копеек. Но это все же лучше, чем обычные агитки того периода, — а пасхальных открыток еще долго не будут печатать в России.

⁸⁶ Письмо от 3 марта 1966 года.

<19 апреля 1931>

«Христос Воскресе!

Дорогая и милая Ксеничка, поздравляю тебя с великим праздником Воскресения Христова и желаю всего наилучшего. Посылаю в твой альбом эту открытку.
19/IV-1933 г<ода>. Коля».

Трехлетний срок заключения Николая Иоакимовича Пискановского в мае 1931 года подошел к концу, но он не был освобожден из лагеря. В ноябре 1931 года к Екатерине Павловне Пешковой, возглавлявшей организацию «Помощь политическим заключенным» (ПОМПОЛИТ), обратилась его дочь.

<10 ноября 1931>

«В Комитет помощи заключенным
Екатерине Павловне Пешковой

от Пискановской Ксении
Николаевны,
Одесса, Черноморская
ул<ица>,
д<ом> № 24, кв. 6.

Заявление

Мой отец, священник Николай Акимович⁸⁷ Пискановский в 1928 году 10-го мая⁸⁸ постановлением Московского ОГПУ по статье 58-10 был выслан из г<города> Воро-

⁸⁷ Правильное написание отчества — Иоакимович, но в документах следственных дел оно писалось как Акимович, так что родные его стали писать так же.

⁸⁸ Ксения Николаевна указывает официальную дату ареста отца, так как с этой даты идет отсчет времени заключения.

нежа в концлагерь сроком на три года, где и отбыл срок 10-го мая сего 1931-го года.

Но по окончании срока, после окончания которого прошло уже 6 месяцев, отец продолжает находиться в концлагере под запросом. На неоднократно подаваемое им заявление ему отвечали, что дело его послано для разбора в Москву. Через полтора года после высылки отца, а именно, 11-го февраля 1930 года арестовали нашу мать, Пискановскую Клавдию Петровну, и выслали из г<города> Воронежа в концлагерь сроком на 5 лет по ст<атье> 58-11 постановлением Московского ОГПУ, где она сейчас находится, но выслали не знаю за что, так как мать только занималась хозяйством и своим поденным заработком кормила семью. После высылки матери я, еще несовершеннолетняя, мой брат⁸⁹, 10-ти лет и больной, и 80-летняя калека-бабушка⁹⁰ остались без всяких средств к жизни. Отец наш, Пискановский Николай Акимович, страдает сильным врожденным пороком сердца, и вообще, а особенно в настоящее время здоровье его очень слабое. Покорнейше прошу Вас похлопотать об ускорении дела отца Н. А. Пискановского и сообщить мне, когда будет известно решение по его делу.

10-го ноября 1931 г<ода>
г<город> Одесса.

К. Пискановская⁹¹.

Прошел еще месяц, а положение Николая Иоакимовича не менялось — власти не спешили освобождать узника. Наоборот, они готовили ему едва ли не горшее по сравнению с Соловками испытание — в де-

⁸⁹ Николай Николаевич Пискановский.

⁹⁰ Мария Ивановна Пискановская.

⁹¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 602. Л. 37–38. Автограф.

кабре 1931 года его по этапу отправили с острова на лесоповал в район староверческого села Кехта на Северной Двине, недалеко от Холмогор. Отец Николай по здоровью не мог работать на тяжелых принудительных работах, это еще на Соловках установила врачебная комиссия, но в лесу никаких медкомиссий нет, а для лагерника, не выполнившего нормы, нет также заслуженной пайки.

Получив от одной ссыльной, бывшей прихожанки полтавского Троицкого храма, сообщение об отчаянном положении отца Николая, совершенно больного и погибающего от голода, дочь Ксения, не достигшая еще 17 лет, немедленно устремилась к отцу в далекий Северный край. Несмотря на все трудности и препоны далекого путешествия, Ксения достигла цели, нашла для отца угол у бедной многодетной женщины в деревне Красная Горка недалеко от Кехты, оставила ему еду, остатки денег и устремилась назад в Одессу, чтобы хлопотать о вызволении отца.

О твердости духа отца Николая в то время и тяжких обстоятельствах приезда дочери можно судить по его письму, написанному на сером разлинованном листе из товарной книги Торгового порта. Адресовано оно матери, Марии Ивановне Пискановской, и двенадцатилетнему сыну в Коростень; именно дочь Ксения вывезла это письмо «на волю» из Кехты, в обход официальной почты и цензуры.

<Весна 1932>

«Дорогие мои мамочка и сынок Коленька!

Шлю тебе, сынок Коленька, родительское благословение и привет вам с далекого Севера. Никогда не забываю вас в своих ежедневных молитвах. Молю тебя,

будь всегда верен Христу. Помни данное тобою обещание маме в темнице на свидании при отъезде. Ежедневно по молитвослову читай утренние и вечерние молитвы, а после молитв поминай родных и близких за здравие и упокой. Весьма скорблю, что не имеете духовного утешения. Если имеете возможность причащаться, напишите... Хлеб необходим <нрзб.>. Мамочка, родная, не скорбите. Мне сейчас стало лучше, да будет на все воля Божия. Жизнь наша здесь временная. Будем просить Господа, чтобы сподобил быть нам вместе в Царствии Небесном. Прошу целовать своих, Таню и Катеньку⁹². Пусть простят, что я их в письмах мало вспоминаю, не желая им причинить беспокойств, а всегда их помню и люблю⁹³. Всех, всех родных целую. Горячо благодарю Ксеничку за ее любовь, сколько ей, бедной, пришлось в дороге перенести скорбей. Всех благодарю за память и любовь. Что со мной ни будет, от священства я не отрекусь. Ведь я давал обещание при рукоположении быть верным Христу до последней капли крови. Всегда остаюсь верным Св. Православию и все новые расколы отвергаю. За все Ваши страдания, которые вы терпеливо переносите, Господь простит все грехи. Читай, Коленька, по-славянски и постарайся молитвы: шестопсалмие, часы 3, 6 и обедницу, псалмы "Благослови, душа моя, Господа" и "Хвали, душа моя, Господа", "Единородный Сыне" и "Блаженства" выучить наизусть и знать порядок.

⁹² Таня и Катенька — племянница Татьяна и сестра отца Николая, Екатерина Иоакимовна Домочальская.

⁹³ Настоящий христианин прощает свои обиды и ревнует лишь о Господе — мы ведь знаем, что ранее тетя Катя «страха ради Иудейска» фактически отказалась в проживании Ксении, вынужденной переехать в Одессу к тетушке Анне Петровне, но любовь к ней отца Николая неизменна.

Целуйте Женю⁹⁴ и детей. По возможности пишите, хотя кратко о Вашем здоровье. Коленька, посылаю тебе перчатки и икону Св<ятителя> Николая.

Благословение. Прошу Вас, мамочка, благословите меня своим родительским благословением. Ксеничка Вам расскажет, как я живу и что пишут мои друзья. Да хранит Вас Господь. Горячо любящий вас сын и отец. Целую Вас. 1932 г<од>».

Тогда же Ксения вновь обратилась за помощью в ПОМПОЛИТ к Екатерине Павловне Пешковой, писала она также и в другие инстанции.

<21 апреля 1932>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Покорнейше прошу Вас походатайствовать о моем отце! Отец мой священник, Пискановский Николай Акимович, арестован еще в 1928 г<оду> 10-го мая в г<городе> Воронеже, где он служил в то время. Постановлением Московского ОГПУ по статье 58-10 он сослан в концлагерь сроком на три года. Срок его закончился 10 мая 1931 года. В 1930 году, 11 февраля, не знаю за что, арестовали нашу мать, Пискановскую Клавдию Петровну, которая своим трудом кормила нас. Мать тоже по статье 58 сослали в Соловки сроком на 5 лет, где она находится и сейчас. После отца и матери остались я, еще несовершеннолетняя, мой брат 10 лет и старуха-калечка бабушка 80 лет. После окончания срока отец пять месяцев оставался на месте ссылки в концлагере на принудительных работах, и только в декабре 1931 года его, опять этапом, отправили в лес

⁹⁴ Евгения Иоакимовна Пискановская.

недалеко от Архангельска, возле дер<евни> Кехты Холмогорского района. Долго работать в лесу отец не мог по состоянию здоровья, и его перевели в дер<евню> Кехту, где отец находится и сейчас. Отец мой с детства страдает пороком сердца, а в ссылке здоровье его все время ухудшалось. В настоящее время отец очень сильно болен уже несколько месяцев, и здоровье его все время ухудшается. Сейчас к болезни сердца прибавилось еще и психическое расстройство, по ночам и днем не находит себе места. Если он дольше будет в такой обстановке, то он окончательно сойдет с ума и сердце его долго не выдержит. По состоянию здоровья он не может работать на принуд<ительных> работах, даже на самой легкой. Даже сторожем, да и срок ссылки в концлагере кончился. А на вольное жительство отца почему-то не отпускают. После матери мы остались без всяких средств, так что мне трудно оказать отцу даже материальную помощь. От всего сердца прошу Вас походатайствовать за отца, чтобы его отпустили на вольное жительство в населенное место, где есть врачебная помощь, где бы и я могла жить с отцом. Хоть в г<город> Архангельск или даже в крайнем случае в Холмогорах.

Прошу Вас, подайте прилагаемое мною заявление в Московское ОГПУ и ходатайствуйте, чтобы мою просьбу исполнили как можно скорее, так как всякое промедление может стоить жизни отцу. Когда известен будет результат, прошу Вас, сообщите мне.

Мой адрес: г<город> Одесса, Черноморская ул<лица>, д<ом> 24, кв. 6. Ксении Николаевне Пискановской.

21/IV 32 г<ода>.

К. Пискановская⁹⁵.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 794. Л. 103-104. Автограф.

Церковная деятельность в Архангельске. 1932–1934. Праведная кончина. 1935

...потоки беззакония устрашили меня.

Псалом 17, 5.

Это похоже на чудо, а может быть, и есть настоящее чудо, но хлопоты сработали, и достаточно быстро. Весной 1932 года ссыльному Н. И. Пискановскому разрешили переехать в краевой центр, Архангельск. Его положили на обследование и лечение в городскую больницу, где и произошло знакомство пастыря Христова с Александром Левичевым, работавшим провизором в больнице⁹⁶. Конечно, ссыльным сносную работу в городе не давали, и священник начал работать сторожем на кирпичном заводе.

В Архангельске в это время работал печником прибывший с Соловков и знакомый еще по Воронежу ссыльный иерей Александр Филиппенко, он нашел для сомолитвенника съемную каморку на чердаке. У отца Николая имелся антиминс Брестского госпитального храма и полный полотняный иконостас, и они стали тайно служить в своем импровизированном храме вместе с несколькими ссыльными верующими.

К осени 1932 года Ксения оставила незаконченным свое обучение в фабрично-заводском училище в Одессе и переехала в Архангельск ухаживать за больным отцом. Она вспоминала: «Сначала приняли меня на работу

⁹⁶ Александр Александрович Левичев (1886–1946) заведовал лекарственным обеспечением в Архангельской городской больнице и ранее проявил себя духовным подвигом. У него еще в начале 20-х годов в течение нескольких лет жил на квартире последний настоятель Соловецкой обители, архимандрит Вениамин (Кононов).

Выпускник семинарии
Николай Пискановский,
крайний справа. 1909

Псаломщик Н. И. Пискановский
(крайний слева). Стригово,
21 декабря 1912

Псаломщик Н. И. Пискановский.
1913?

Псаломщик Н. И. Пискановский
вместе с отцом, протоиереем
Иоакимом. Стригово, 1913?

Клавдия Петровна Котович
до замужества. Брест-Литовск,
1913?

Иерей Николай Пискановский
с матушкой Клавдией
и дочерью Ксенией.
Одесса, 1918

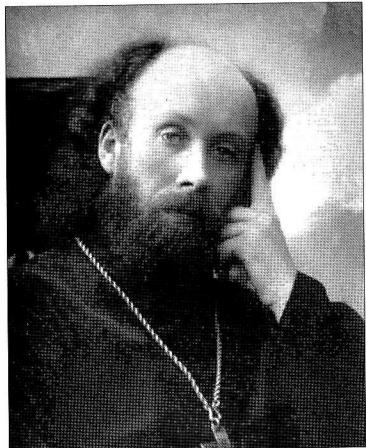
Диакон Николай Пискановский с женой Клавдией Петровной.
Одесса, 1915?

Архиепископ Угличский Серафим (Самойлович).
Начало 1930-х годов

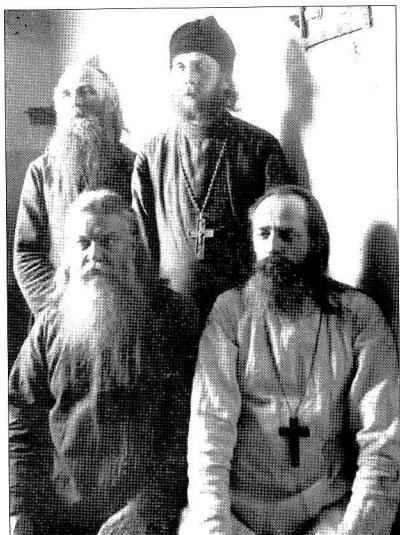
Открытка архимандрита Серафима (Самойловича)
протоиерею Петру Котовичу. 1916

Протоиерей Николай
Пискановский. Полтава, 1927

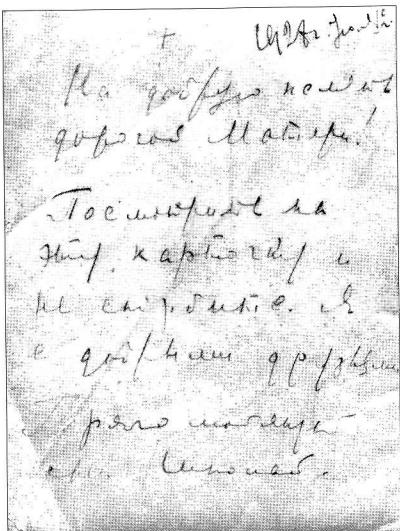
Протоиерей Николай Пискановский.
Харьков, 1 мая 1927

Заключенные священники в Воронежской тюрьме.
В верхнем ряду справа налево: Николай Пискановский и Иоанн Андреевский;
в нижнем ряду сидят Александр Филиппенко и Павел Смирнский.

На оборотной стороне: «1928 г<од> июня 12.

На добрую память дорогой матери! Посмотрите на эту карточку
и не скорбите. Я с добрыми друзьями. Горячо любящий сын Николай»

Ефросинья
Петровна Котович
с сыном Борисом

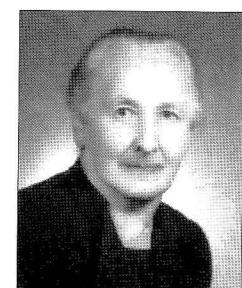
Анна Петровна
Павлович (Котович)
с детьми Юрием,
Тамарой
и Ириной

Антоний Петрович Котович
с женой Ниной Феофиловной,
детьми Иваном и Татьяной.
Александрия,
конец 1920-х годов

Фекла Иоакимовна,
старшая сестра
отца Николая

Нина Петровна
Котович. 1968

Мария Ивановна
Пискановская
(Кадлубовская)

Дорогому и боярому
Наноке на пакето.

С

Дорогой, мурзик.
Нанока!
Не engrau! но не
разум и беда в
многом с молоди.
Ты проси подсказки не
такие краев и Тарас
1822 г. Ян.

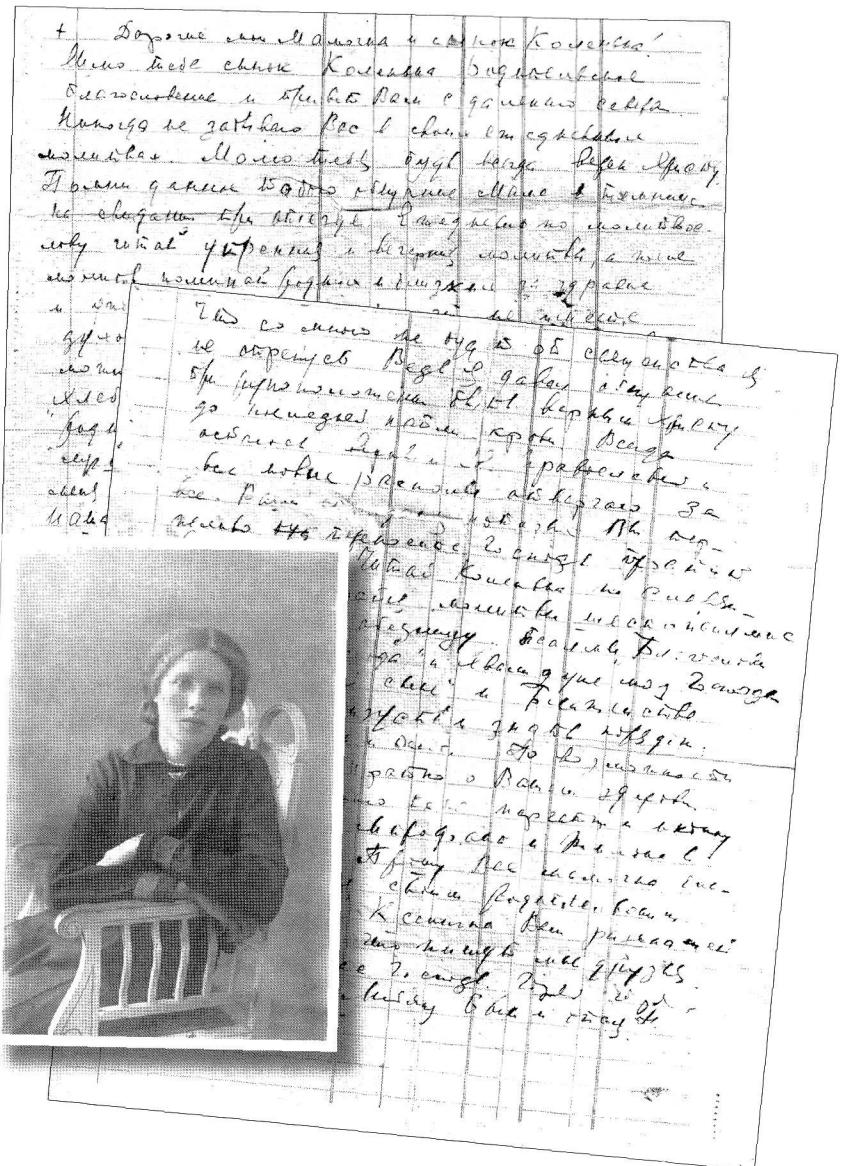
Ксения и Коля. Полтава, 1927. Фото, переданное в тюрьму в Харькове, с надписью на оборотной стороне.

Ксения и Коля
Пискановские.
Александрия,
14 января 1925

22 февраля 1927

Оборотная сторона открытки Н. И. Пискановского из лагеря с изображением Соловецкой башни. 9 марта 1930

Письмо отца Николая Пискановского из Кехты +
врезка фото Ксении Пискановской этого периода. 1932

Семья Пискановских в Архангельске:
слева направо в первом ряду сидят Мария Ивановна
Пискановская, протоиерей Николай, Ксения;
во втором ряду стоят Коля и Клавдия Петровна. Август 1934

Могила протоиерея Николая Пискановского. Архангельск, 2012

в КрайЗУ⁹⁷, но потом всех ссыльных и семьи стали сокращать, и кроме кирпичного завода я никуда не могла устроиться — и то приняли по знакомству, так как отец там работал сторожем. Работала то там, то на стройке, то заменяла кого-то».

Господу было угодно, чтобы именно в это время в Архангельске развернулась новая яркая картина интенсивной церковной жизни — как бы протуберанец на грозовом небе. Началась активная деятельность архангельской группы Истинно-Православной Церкви в 1933 году, усложнилась после арестов владыки Серафима (Самойловича) и отца Николая в 1934 году, а закончилась после массовых репрессий 1937–1938 годов.

Важной предпосылкой для этой яркой архангельской вспышки в истории борьбы Российской Православной Церкви с безбожной властью стало появление в июне 1933 года доставленного в Архангельск из Козьмодемьянской тюрьмы одного из авторитетнейших иерархов — архиепископа Угличского Серафима (Самойловича), сформировавшего монолитную мощную группу единомышленников. Второй серьезной предпосылкой появления архангельского протуберанца можно считать формирование действенного руководящего дуэта, который был представлен владыкой Серафимом и его ближайшим соратником Николаем Пискановским.

Они знали друг друга с дореволюционных времен, были в родственных отношениях (через Котовичей), а также идеально дополняли друг друга в духовном и организационном плане — пылкий, решительный, активный владыка и мудрый, спокойный, прозорливый протоиерей. Хотелось бы отметить, что процесс познания у Николая Пискановского нельзя сводить к

⁹⁷ КрайЗУ — краевое земельное управление.

умственному просчитыванию, он просто часто знал наперед, и ему было ведомо то, что для большинства обычно нагло закрыто завесой неизвестности. Оба священнослужителя жили ощущением Всемогущества Господня и Покорности Его воле и чувством высокой ответственности за ту пастырскую миссию, которую они были призваны исполнить.

Святитель Серафим чрезвычайно серьезно оценивал свое первосвятительское недолгое служение — когда он канонически официально возглавил Российскую Православную Церковь в период ареста Сергия (Страгородского), являясь заместителем Патриаршего Местоблюстителя с 29 декабря 1926 года по 7 апреля 1927 года. И хотя он добровольно вернул права Сергию, очевидно, позднее считал этот шаг в свете последующих действий митрополита, а именно провозглашения Декларации, опрометчивым и недействительным. Впрочем, многие видные православные иерархи также признавали права владыки Серафима. Известно, например, послание святителя Виктора (Островицова), датированное предположительно еще 1928 годом, в котором он писал о возглавлении Российской Церкви Патриаршим Местоблюстителем Петром, митрополитом Крутицким, и его заместителем Серафимом, архиепископом Угличским⁹⁸.

Даже простое перечисление действий обоих священнослужителей свидетельствует о том, что свою общую миссию в эсхатологических условиях наступления большевиков на Церковь они видели как возглавление народа Божьего — истинных христиан, путь которых лежал в катакомбы и на «арены цирков». В советском

⁹⁸ Мазырин Александр, иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Российской Православной Церкви в 1920–1930-х годах. М., 2011. С. 169.

варианте катакомбы превращались в тайные домашние храмы, а «арены цирков» — в лагеря, тюрьмы, политизоляторы и спецполигоны ОГПУ — НКВД. Какие же действия владыки Серафима и отца Николая того периода можно квалифицировать как относящиеся к подготовке и возглавлению катакомбного пути общин истинно-православных христиан, признающих духовное главенство святителя Серафима?

Из того, что нам известно, отнесем к ним переписку 1933 года архиепископа Серафима с митрополитом Кириллом (Смирновым), направление «понуканий пламенных»⁹⁹ с призывами к решительным действиям по возвращению первосвятительской власти. К концу 1933 года полностью исчезли надежды, что казанский архиастырь, первый кандидат на наследование первосвятительского звания в соответствии с завещанием патриарха Тихона, сможет предпринять решительные действия для достижения этой благой цели.

Тогда владыка Серафим взял инициативу на себя и написал свое Деяние от 4/17 декабря 1933 года, в котором был объявлен митрополит Сергий (Страгородский) «лишенным молитвенного общения со всеми православными епископами Русской Церкви и предавался церковному суду с запрещением в священно-

⁹⁹ В написанных в апреле 1934 года письмах священномученика Кирилла (Смирнова) архимандриту Неофиту (Осипову) встречаются упоминания о «понуканиях пламенных», о том, что ему приходится сдерживать «пламенные порывы». Судя по всему, здесь, прибегая к обычной для писем тех лет иносказательной форме, митрополит Кирилл как раз и вел речь о призывах к более активным выступлениям архиепископа Серафима (Самойловича), имя которого в переводе с греческого означает «пламенный» (Мазырин А. Цит. соч. С. 157).

служении»¹⁰⁰ за антиканоническую деятельность. Для утверждения этого Деяния святитель Серафим и протоиерей Николай организовали в Архангельске «Малый катакомбный собор», решения которого должны были стать основой для всех ссыльных епископов и духовенства. Об этом Соборе, именуемом чекистами в протоколе допроса «архангельским совещанием», дал показания епископ Макарий (Кармазин): «В мае мес<яце> 1934 г<ода> Серафимом Самойловичем я через Пискановского был приглашен в Архангельск на совещание, но от этой поездки, по соображениям конспирации и во избежание провала деятельности ИПЦ и его последствий, я отказался и ограничился письменным сообщением в адрес Серафима о том, что я ИПЦ не изменю и твердо буду проводить свою работу в деле создания в России свободной Истинно-Православной Церкви»¹⁰¹.

Постоянной заботой святителя Серафима и его помощника Николая Пискановского было архиастырское окормление епархий Истинно-Православной Церкви. Об этом также показал на допросе епископ Макарий (Кармазин), что указание он «получил в мае 1934 года от епископа Серафима (Самойловича)¹⁰² через священника Пискановского. В письменном указе Серафим (Самойлович), несмотря на то что он находился в ссылке, рассматривая себя как Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, предлагал принять Днепропетровскую епархию, которой я управлял до своего ареста 1927 года. Позднее, т<о> е<сть> вскоре после ареста Серафима (Самойловича),

¹⁰⁰ Мазырин А., иерей. Цит. соч. С. 155.

¹⁰¹ Из показаний М. Я. Кармазина от 21 октября 1934 года // ГАНИКО. Ф. 3656. Оп. 2. Д. 6179. Т. 1. Л. 19 об.

¹⁰² Подчеркивание в оригинале.

Пискановский предложил мне принять руководство Вятской епархией и группами ИПЦ Ивановской промышленной области, руководил которыми до ареста Серафим (Самойлович)».

Летом 1934 года в письме протоиерея Николая Пискановского, как объяснил на следствии епископ Макарий, речь шла «о переходе на нелегальное служение, создании домашних церквей и объединении вокруг них наших единомышленников; Мне хорошо известно, что подобные домашние церкви и группы были организованы еп<ископом> Дамаскином, митр<о-политом> Кириллом, архиеп<ископом> Серафимом и священником Пискановским»¹⁰³. Ссыльный владыка Макарий не скрывал на следствии, что оборудовал нелегальную церковь в своей квартире уже в ноябре 1933 года — сразу после приезда в село Селище Костромского района — и лично совершил тайные богослужения. Заметим, что епископ Макарий (Кармазин) на следствии не скрывал своих убеждений о церковной деятельности Московской патриархии, твердо показав на допросе: «Существующие церковные течения обновленцев-сergиевцев осуждаю, как признающих советскую власть и по каноническим с ними расхождениям. С этими течениями я, как последователь Истинно-Православной Церкви, вел и буду продолжать борьбу»¹⁰⁴.

В домовой церкви семьи Пискановских в Архангельске служил не только хозяин дома. Известно, что по благословению архиепископа Серафима (Самойловича) нелегальные богослужения проводил и ссыль-

¹⁰³ Из показаний М. Я. Кармазина от 1 ноября 1934 года // ГАНИКО. Ф. 3656. Оп. 2. Д. 6179. Т. 1. Л. 28 об. — 29.

¹⁰⁴ Из показаний М. Я. Кармазина от 25 октября 1934 года // ГАНИКО. Ф. 3656. Оп. 2. Д. 6179. Т. 1. Л. 9 об.

ный вятский священник Павел Питиримов¹⁰⁵, отбывавший срок наказания с 1932 по 1935 год включительно. Согласно обвинительному заключению, он «являлся личным келейником архиепископа Серафима Угличского»; «по поручению последнего проводил активную пропаганду о переходе церквей в “викторовскую” ориентацию»¹⁰⁶. На следствии не скрывал, что «производил службу в нелегальной церкви (в частном доме гр<аждани>на Писканова¹⁰⁷)»¹⁰⁸. Другой вятский священнослужитель, Афанасий Касьянов¹⁰⁹, также принимал участие в тайных богослужениях и был арестован за это в 1934 году «как организатор и руководитель подпольной а-с организации, проводившей нелегальные молебства-богослужения в одном из домов г<орода> Архангельска у ссылочного священника Пискановского Николая»¹¹⁰.

Епископ Макарий (Кармазин), давний знакомый протоиерея Николая Пискановского, находясь в ссылке, активно переписывался не только с владыкой Серафимом (Самойловичем), но и на ранее согласованные адреса верных архиастырей, о чем он дал показания на следствии в 1934 году: «Например, архиепископу Серафиму Угличскому в Архангельск я писал в адрес дочери его личного секретаря Писканов-

¹⁰⁵ Краткие сведения о нем приведены в Приложении IV.

¹⁰⁶ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 8. Д. СУ-9817. Т. 1. Л. 297.

¹⁰⁷ В протоколе неправильно указана фамилия отца Николая Пискановского.

¹⁰⁸ Из показаний П. Н. Питиримова от 7 мая 1937 года // ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 8. Д. СУ-9817. Т. 2. Л. 95.

¹⁰⁹ В сан протодиакона возведен архиепископом Серафимом в Архангельске. Краткие сведения о нем приведены в Приложении IV.

¹¹⁰ Из показаний А. И. Касьянова от 4–5 сентября 1946 // Архив Управления ФСБ РФ по Республике Татарстан. Д. 24585. Т. 1. Л. 161–161 об.

ского¹¹¹, епископу <Иоасафу> Жевахову в Боровичи — через его квартирохозяйку Синявину, епископу Дамаскину <Цедрику> — через Шпаковскую, епископу Парфению <Брянских> в Кимры Московской обл<асти> — на имя его матери Брянских»¹¹².

Далее он подробно рассказал о заранее договоренных шифрованных словах и понятиях в их переписке: «В интересах конспирации нашей деятельности мы ввели соответствующие шифры в переписку. Например, ГПУ мы называли “Катя”, “Екатерина Иван<овна>”; арест и изоляцию: “заболел”, “положили в больницу”; ссылку: “поехал на курорт”; освобождение из-под ареста или концлагеря: “выздоровел”». Также в письмах шифровались и сами архиереи, чтобы невозможно было понять, о ком идет речь, например, митрополит Кирилл (Смирнов) — это «дедушка Кирюша»; архиепископ Серафим (Самойлович) — просто «дедушка»; митрополит Сергий (Страгородский) — «Иван Николаевич».

Для владыки Серафима переписка с епископом Макарием (Кармазиным) через своего секретаря Николая Пискановского была ценна еще и тем, что последний сообщал ему последние новости о положении духовенства, а также отвечал на все его вопросы, о чем тот дал показания на допросе: «По поручению Серафима я собирал различного рода сведения и слухи, сообщаемые мне в ответ на мои запросы моими многочисленными единомышленниками, которые мне писали о тяжелом состоянии веры и Церкви, о бедственном положении духовенства, особенно украинского, спасающегося от репрессий совласти и от голода бег-

¹¹¹ На адрес Ксении Николаевны Пискановской.

¹¹² Из показаний М. Я. Кармазина от 21 октября 1934 года // ГАНИКО. Ф. 3656. Оп. 2. Д. 6179. Т. 1. Л. 18 об.

ством, о массовом закрытии и ломке церквей в различных городах, о положении епископов и духовенства, освобожденного из концлагерей и ссылки, о настроениях населения, о действиях митрополита Сергия и его подчиненных».

Наряду с другими корреспондентами протоиерей Николай Пискановский передавал владыке информацию о положении духовенства сначала в Соловецком лагере особого назначения, позднее — в ссылке в Архангельске. Об этом святитель Макарий также сообщил на допросе во время следствия: «В свою очередь я пользовался от них сведениями о жизни епископов и духовенства в концлагерях и ссылке, которые мною через письмо распространялись по верующим и духовенству»¹¹³. Позднее многие арестованные на допросах постоянно называли протоиерея Николая Пискановского секретарем владыки Серафима, и для Архангельского периода их совместной церковной деятельности это фактически так и было.

Анализируя, кем управлялись общины истинноправославных христиан, признающих первосвятителем владыку Серафима, и какую роль играл в этом управлении отец Николай, сошлемся на слова епископа Макария (Кармазина), сохраненные в протоколах допроса: «Руководящего состава ИПЦ, преимущественно из высшего духовенства, епископов и митрополитов, насчитывается у нас до 30 человек, о чем мне писал в своем письме весной 1934 года епископ Дамаскин <Цедрик>; «Наша Истинно-Православная Церковь возглавляется в настоящее время архиепископом Серафимом Угличским, митрополитом Казанским Кириллом, мною — епископом Кар-

¹¹³ Из показаний М. Я. Кармазина от 21 октября 1934 года // ГАНИКО. Ф. 3656. Оп. 2. Д. 6179. Т. 1. Л. 19–19 об.

мазиным, епископом Дамаскином, бывшим Глуховским Черниговской епархии, епископом Парфением (Брянских), проживающим в г^{ороде} Кимры М^{осковской} о^{бласти}, епископом Иосифом (Несвковым), епископом Афанасием (Молчановским), бывшим Сквицким Киевской епархии, и протоиереем Пискановским Николаем Акимовичем»¹¹⁴.

Тринадцатилетний сын Николая Пискановского приезжал в Архангельск во время своих школьных каникул, чтобы встретиться с отцом и сестрой Ксенией, к началу нового учебного года Коля возвратился в Коростень к бабушке и тете¹¹⁵, чтобы продолжить школьное обучение на Украине¹¹⁶. Матушка Клавдия Петровна Пискановская освободилась из лагеря 8 марта 1934 года и была отправлена в ссылку в Архангельск. Летом того же года из Коростеня в Архангельск приехал на свидание с мамой Коля с бабушкой, Марией Ивановной Пискановской, ему вскоре исполнилось уже пятнадцать лет. Коля привез справку на украинском языке от «25 липня 1934 р^{оку}», что он действительно обучался в шестом классе школы ФЗУ на станции Коростень и переведен в 7-й класс с потрясающими отметками, перечисленными в справке: 13 предметов — «уже добр» и только по последнему, физкультуре, — «добре». В Архангельске он собирался окончить среднюю школу. Таким образом, семья Пискановских на короткое время воссоединилась, хотя бы и в ссылке, и в августе 1934 года все пятеро были за-

¹¹⁴ Из показаний М. Я. Кармазина от 1 ноября 1934 года // Там же. Л. 25 об., 26, 27 об.

¹¹⁵ Бабушка Мария Ивановна Пискановская и Екатерина Иоакимовна Домочальская.

¹¹⁶ Есть фотография Коли и Ксении, сделанная 28 июня 1933 года в день выезда из Архангельска, с надписью «на память сестричке».

печатлены на фотографии: Мария Ивановна, Николай Иоакимович, Клавдия Петровна, Ксения и Коля.

Аресты руководства архангельской группы священнослужителей по делам Истинно-Православной Церкви начались в мае 1934 года. Первым был схвачен владыка Серафим (Самойлович), уже 1 июня приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Сиблаг. 16 сентября 1934 года отец Николай отправил поздравительное письмо епископу Макарию (Кармазину)¹¹⁷, проживавшему в ссылке в селе Селище возле Костромы, заодно сообщив новости о знакомых архиереях и священниках, а также о последних событиях в жизни Церкви. В этом послании он привлек внимание владыки к возникшей ранее в Церкви проблеме мироварения — великого священнодействия, являющегося обычно прерогативой первоиерарха. Об этом ранее протоиерей Николай писал митropolиту Кириллу (Смирнову) как секретарь архиепископа Серафима. Теперь он затронул эту же тему и в данном послании.

«+

3/16 сентября

Дорогой и родной Владыка¹¹⁸! Приветствуем Вас с праздниками Рождества Пресвятой Богородицы и Воздвижения Креста Господня. Получил Ваше письмо от 15/28 августа. Вчера послал Вам перевод на 39 рублей¹¹⁹ 50 копеек от Ваших киевских детей¹¹⁹, которые и раньше Вас не забывали. Посылаю Вам первый листик письма Митрополита Кирилла, если у Вас его нет, то в

¹¹⁷ Арестован 30 сентября 1934 года.

¹¹⁸ Заглавные буквы в тексте согласно оригиналу.

¹¹⁹ Имеются в виду духовные чада владыки.

следующий раз буду присыпать продолжение его. Он сейчас находится на Лубянке. Ему передач не принимают, а только через 10 дней 10 рубльей.

Дамаскин <Цедрик> перевезен в Киев¹²⁰. Отец Григорий Селецкий¹²¹ живет на Медвежьей Горе. Адрес: АКССР, станица Медвежья Гора, Беломорский комбинат. УРО¹²². Григорию Гавриловичу <Селецкому>. Сводная колонна. Работает он в канцелярии. Работы у него много, и весьма уставает. Остался таким же, как был, православным. Ездила к нему его знакомая по Елисаветграду. Отвезла ему от меня Святые Дары. Срок у него еще большой.

Если возможно, напишите адрес брата Парфения <Брянских>. Видимо, Вы его познакомите с нашей жизнью и всем пережитым.

Мой одноделец отец Александр <Филиппенко> освободился и уже уехал к детям, и все, кто со мною в один день был посажен, уже освободились и дома. У меня срок — 12 октября. В Вологде жил Епископ Евгений Кобранов¹²³, ему оставалось 2 недели, и вот опять попал в дом отдыха¹²⁴.

Все, что совершается в Киеве, идет своим естественным порядком. Зато было большое торжество — прибыл туда на постоянное жительство Епископ Константин <Дьяков>, и для встречи его был слет епископов. Было много и белого духовенства, а монашествующие попрятались и не пошли на торжество въезда. С их благословения все совершается их прикрытием.

Жертв много, а делателей мало. Сейчас ведь перестраивается вся церковная жизнь. Открытые храмы право-

¹²⁰ Подчеркивание в оригинале.

¹²¹ Краткие сведения о нем приведены в Приложении IV.

¹²² УРО — учетно-распределительный отдел.

¹²³ Краткие сведения о нем приведены в Приложении IV.

¹²⁴ Имеется в виду, что епископ Евгений (Кобранов) выслан.

славные отходят, и необходимо, чтобы каждый дом православный представлял из себя храм, а семья — малую церковь. Возвращаемся к жизни первых христиан. Эти малые церкви и нужно окормлять, и преподавать им Святые Дары для причащения. Василий Великий пишет, что во время гонения, если нет православного священника, не противно духу Православной Церкви получать один раз много от предстоятеля частиц Святых Даров и, по надобности, самому причащаться. Владыка Виктор <Островидов> требовал присыпать исповедь и просить каждый раз благословения, хотя заочно.

Вся моя семья приветствует Вас и просит святых молитв и благословения.

Получили две весточки от Архиепископа Серафима <Самойловича>. Он в лагере Суслово¹²⁵. Работает табельщиком, работа трудная, нужно обслуживать 1000 человек и выписывать пайки, а если пропустишь, то и отдавать свой паек и оставаться голодным. Получил Святые Дары и на Успенье приобщался. Духом бодр. По инвалидности, может быть, там долго не будет. Посылаем ему посычки для подкрепления телесного.

Православные церкви просят святое Миро, а оно уже на исходе. Я в свое время обращался к Митрополиту Киприану, и он предложил, чтобы 6 епископов сделали ему об этом заявление, тогда он совершил. Этой формальности я не мог выполнить, и остались без святое Миро. Когда был Архиепископ Серафим — не было чина мирохвощения, и <ответ> получен уже после его отъезда. Все сейчас есть, только нужен Совершитель этого великого священнодействия. Мы ежедневно утешаемся Евхаристией. Вот уже два года.

Если Господу угодно будет опять послать испытание, опять пойдем туда, куда пошлет Господь. Главное — не

¹²⁵ Имеется в виду лагерное отделение Сиблага.

надеяться на свои силы, а на благодатную помощь Божию. Я чувствую свою слабость и обращаю это к себе.

Митрополит Иосиф <Петровых> живет в Средней Азии, Аулие-Ата. У него две комнаты. Все время, где ни живет, имеет с собою походный храм и ежедневно совершает Евхаристию.

Время так быстро движется, что незаметно летят дни. Каждый день вспоминаем какого-либо святого Угодника и этим живем. Время прежнего делания возвратится ли, а сейчас необходимо делать для Церкви то, что можно. Нужны сейчас и святые антиминсы. Прежние остались в храмах, а православные пастыри просят для келейного богослужения.

Простите за небрежность письма. Прошу Ваших святительских молитв и благословения. Ваш послушник, недостойный иерей Николай»¹²⁶.

17 сентября 1934 года дошел черед и до протоиерея Николая Пискановского — он был взят под стражу. Обвинение было стандартным, как и у арестованных вместе с ним протодиакона Афанасия Касьянова и иеромонаха Афанасия (Зайдман-Якобсона)¹²⁷, — «участники контрреволюционной группировки церковников». Голод, сырость и холод в камерах, напряжение на допросах обострили старые болезни, и зимой 1935 года подследственный был переведен в тюремную больницу. Но на этот раз ослабленный организм не выдержал — пастырь Христов 28 марта/10 апреля 1935 года скончался от воспаления легких. По убеждению Дмитрия Сергеевича Ли-

¹²⁶ В правом верхнем углу помета: «получил 9/22 сентября 1934 года» (ГАНИКО. Ф. 3656. Оп. 2. Д. 6179. Т. 2. Л. 23–24 об. Автограф).

¹²⁷ Краткие сведения о нем приведены в Приложении IV.

хачева, «жизнь отца Николая была сплошным мучением, а может быть, и мученичеством»¹²⁸.

Семья немедленно стала хлопотать о получении тела усопшего. В этих же хлопотах, помимо семьи, принимали активное участие и сотрудники городской больницы — провизор Александр Александрович Левичев и ссыльный профессор Дмитрий Васильевич Никитин¹²⁹. Поскольку Н. И. Пискановский не был еще осужден по приговору суда и считался подследственным, просьбу о выдаче тела удовлетворили без особой задержки. Ксения писала при этом, что чекисты это сделали, чтобы еще и посмотреть, кто именно придет на похороны. Похоронилиprotoиерея Николая Пискановского на городском кладбище, народу пришло много. Своевременно оповестить людей о похоронах было трудно из-за разлива Северной Двины и распутицы, но близкие люди явились без специального оповещения. В своих воспоминаниях Ксения Николаевна упоминала епископов Парфения (Брянских) и Дамаскина (Цедрика), петроградского протодиакона Василия. Им приснился отец Николай, сообщивший, что он будет служить, и просивший приехать к нему в пятницу 30 марта/12 апреля 1935 года — это и оказался день его похорон, третий после праведной кончины. На городском кладбище появилась скромная могила с надписью на кресте «Н. И. Пискановский» и не особо обращающей на себя внимание маленькой предшествующей буквой «о».

¹²⁸ Лихачев Д. С. Воспоминания. Изд. 2-е, перераб. Logos, 1997. С. 357.

¹²⁹ Дмитрий Васильевич Никитин — известный медик-терапевт. В начале 1900-х — домашний врач Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. В 1935–1939 — в архангельской ссылке, среди его пациентов были высокие чины краевого НКВД.

19 октября/1 ноября 1981 года Архиерейский Собор Русской Православной Церкви Заграницей прославил со святыми (канонизировал) Новых Мучеников и Исповедников Российской Церкви¹³⁰ в стоянии за Веру Православную. Протопресвитер Николай Пискановский в этом списке был прославлен в лице новоиспеченного мученика. Могила пастыря Христова сохранилась Промыслом Всеизвестного и тщанием добрых людей¹³¹ до сегодняшнего времени.

¹³⁰ Православная Русь. 1981. № 21. С. 2. (На самой иконе надпись: «Собор святых новомучеников Российских, от безбожников избиянных».)

¹³¹ Заботились о могиле в разные годы супруги Александр Александрович и Александра Александровна Левичевы, их дочь Римма Александровна Туфанова и внучка Елена Борисовна Москаленко и семья Антоновых: супруги Матрона Мефодьевна со Степаном Маркеловичем, их дети Тамара Степановна и Николай Степанович.